U 449
178

И 449/178

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

И. Корсунскаго.

МОСКВА.
Типографія Л. и А. Снегиревыхъ. Остоженка, Савел. пер., соб. домъ
1888.

Л 449/178
801-91
9816-X

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

И. Корсунскаго.

МОСКВА.
Типографія Л. и А. Снегиревыхъ. Остоженка, Савел. пер., соб. домъ
1888.

Дозволено цензурою. Москва, января 10 дня, 1888 г.
Цензоръ *Архимандритъ Амфилохій.*

Госуд. ставенная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА С
им. В. И. ЛЕНИНА
726774-46

Изъ Январской книжки Чтенія въ Общ. Люб. Дух. просвѣщенія, 1888 г.

Типографія Л. и А. Снегиревыхъ. Остоженка, Савел. пер., соб. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Вступленіе.	1—4.
Значеніе православной вѣры и церкви, съ служителями ея (духовенствомъ) въ дѣлѣ гражданствованія, просвѣщенія и объединенія Россіи, охраненія ея народности и установленія въ ней спасительнаго единодержавія . .	4—31.
Указаніе въ этой церковной школѣ прототипа теперешней церковно-приходской школы.	31—34.
Уклоненіе свѣтской начальной школы отъ этого прототипа	34—35.
Исторія раздвоенія въ просвѣщеніи Россіи, условливавшаго это уклоненіе, начиная съ временъ Петра Великаго и до настоящаго времени.	35—56.
Возстановленіе церковно-приходской школы въ послѣднее время	56—58.
Защита новыхъ церковно-приходскихъ школъ отъ нападеній ихъ противниковъ.	58—59.
Новыя церковно-приходскія школы	
1) Воплощаютъ въ себѣ типъ древне-русской народной школы	59—66.
2) Не чуждаются новыхъ пріобрѣтеній и преуспѣянія въ области науки, воспитанія и обученія. . . .	66—73.
3) Опираются на древне-русскихъ началахъ православія, самодержавія и народности, провозвѣщаютъ, утверждаютъ и охраняютъ эти начала	73—81.
Выводы изъ всего разсужденія о государственномъ значеніи церковно приходской школы и заключеніе . .	81—88.

Государственное значеніе церковно-приходской школы [1]).

Уже не разъ достопочтенное собраніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія выслушивало рѣчи о церковно-приходскихъ школахъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Едва только поднятъ былъ въ правительственныхъ сферахъ въ 1881 году вопросъ о возстановленіи значенія этихъ школъ, какъ Общество любителей духовнаго просвѣщенія, отзывчивое на всѣ добрыя начинанія и мѣропріятія правительства, какимъ бы то ни было образомъ касающіяся задачъ его, поставило этотъ вопросъ на очереди въ годичномъ собраніи своемъ за означенный годъ,—и рѣчь *И. И. Соловьева* „Объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія“ была прекраснымъ отвѣтомъ на поставленный Обществомъ вопросъ. Черезъ три года послѣ того, именно въ октябрѣ 1884 года, въ виду послѣдовавшаго въ этотъ годъ законоположенія о церковно-приходскихъ школахъ, Общество, въ годичномъ собраніи своемъ, имѣло случай выслушать блестящую рѣчь глубокаго знатока дѣла о. протоіерея *П. А. Смирнова*, имѣвшую предметомъ своимъ „Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на западѣ въ виду будущаго нашей“. Того же вопроса отчасти касалось Общество и въ 1885 году на собраніяхъ своихъ, за тѣмъ въ 1886 и въ 1887 году на страницахъ своихъ повременныхъ изданій. По видимому, дѣло уже разъяснено достаточно, и съ во-

---

[1]) Читано съ сокращеніями въ годичномъ собраніи Общества любителей духовнаго просвѣщенія 13 декабря 1887 года.

просомъ о церковно-приходскихъ школахъ, какъ съ вопросомъ, пора бы покончить, занимаясь лишь примѣненіемъ къ дѣлу правительственныхъ распоряженій объ этихъ школахъ, а не тѣмъ, чтобы мозолить уши слушателей и глаза читателей повтореніемъ задовъ. Но, къ сожалѣнію, и въ правительственныхъ сферахъ этотъ вопросъ доселѣ остается еще не вполнѣ разъясненнымъ и разрѣшеннымъ, и въ обществѣ русскомъ, на ряду съ людьми, искренно желающими водворенія церковно-приходской школы, есть много такихъ людей, которые жалуются на боль въ ушахъ, когда ихъ касается разговоръ о ней. Въ доказательство перваго я укажу хотя бы на Высочайше утвержденное въ 12 й день мая текущаго года и недавно опубликованное мнѣніе Государственнаго Совѣта, который, разрѣшивъ духовному вѣдомству расходованіе ста двадцати тысячъ рублей изъ Государственнаго Казначейства на потребности церковно-приходскихъ школъ, между прочимъ, положилъ: „предоставить оберъ-прокурору Св. Синода и министру народнаго просвѣщенія внести въ Государственный Совѣтъ особое, въ установленномъ порядкѣ, представленіе по вопросу о томъ, не представится ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ какъ для наилучшаго направленія сего дѣла по существу, такъ и въ видахъ наиболѣе цѣлесообразнаго и бережливаго употребленія средствъ Государственнаго Казначейства, могущихъ быть назначаемыми на потребности первоначальнаго народнаго образованія“ (см. оффиц. отд. *Москв. Церк. Вѣдом.* за 1887 г. № 30 отъ 6 сентября). Въ доказательство же того, какъ многіе въ самомъ обществѣ смотрятъ на церковно-приходскія школы, можно было бы указать на множество статей, появлявшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ нашихъ и до опубликованія сейчасъ приведеннаго правительственнаго распоряженія и особенно послѣ и вслѣдствіе опубликованія этого распоряженія (см. напр. статью Д. Дашкова въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* за текущій годъ №№ 240 и 241; въ *Вѣстникѣ Европы* за тотъ же годъ №№ 9 и 11 „Внутр. Обозрѣніе“; газеты: *Минута* № 231; — *Кіевлянинъ* №№ 193 и 195 и др.). Въ этихъ и подобныхъ

статьяхъ, особенно въ виду вѣроятности передачи завѣдыванія дѣломъ начальнаго народнаго образованія духовному вѣдомству, высказывается напримѣръ то, что такая передача „будетъ крайне неблагопріятна для дѣла начальнаго обученія“ (*Вѣстн. Евр.* № 9); что возстановленіе церковно-приходскихъ школъ въ 1884 году „было отчасти возвратомъ къ прошлому, которое представляется далеко не въ розовомъ свѣтѣ всѣмъ друзьямъ народнаго просвѣщенія и искреннимъ недоброжелателямъ невѣжества и суевѣрія, въ которыя погружены были массы русскаго простолюдина“ (*Минута*, № 231); что „какъ это отдаленное прошлое, такъ и ближайшее настоящее не заставляютъ относиться съ особенными надеждами на прогрессивное развитіе образовательнаго уровня народныхъ массъ, при посредствѣ церковно-приходскихъ школъ“ (тамъ же; срав. *Семья и Школа* 1872 г. стр. 981 и дал.); что и сама старая духовная школа носила „узко-клерикальный, сословный характеръ“ (*Семья и Школа* 1872 г. стр. 1036) и под. Въ тѣхъ же и иныхъ подобныхъ статьяхъ, съ другой стороны, высказываются и такія мысли, что „церковно-приходскія школы существуютъ очень недавно, свѣдѣній объ нихъ мало, достовѣрныхъ данныхъ еще меньше“ (*Вѣстн. Евр.* 1887 г. № 9); — что „первоначальная школа свѣтскаго образца является испытаннымъ средствомъ, а церковно-приходская школа стоитъ въ началѣ неизвѣданнаго пути, прикрываясь флагомъ высшихъ соображеній“ (*Минута* № 231); — что къ такъ называемой земской школѣ и духовенство и народъ относились до сихъ поръ „сочувственно“ (*Совр. Изв.*); — что если въ школѣ земской и министерской, вообще свѣтской встрѣчаются „неудачные учителя и уродливыя явленія, то отъ нихъ церковно-приходская школа защищена ничуть не сильнѣе“ (*Кіевлянинъ*); — что школу земскую и министерскую „не хотятъ знать, не хотятъ видѣть въ настоящемъ ея свѣтѣ, ея случайныя погрѣшности возводятся на степень общаго правила, ея громадныя заслуги замалчиваются или подвергаются рѣшительному отрицанію“ (*Вѣст. Евр.*) и т. д. Изъ всего этого и подобнаго ясно, что вопросъ о церковно-приходской школѣ во многихъ, при томъ въ нѣкоторыхъ даже такъ называемыхъ принципіальныхъ

пунктахъ остается доселѣ еще открытымъ. Намъ кажется, что во всемъ этомъ сущность недоразумѣній заключается во взглядѣ на означенный вопросъ, какъ вопросъ *сословный*, а не *государственный*. Многіе въ водвореніи церковно-приходской школы хотятъ видѣть посягательство на права другихъ сословій и учрежденій въ дѣлѣ начальнаго народнаго просвѣщенія, съ предпочтеніемъ сословія духовнаго. А между тѣмъ, по нашему крайнему мнѣнію и убѣжденію, дѣло стоитъ иначе. По этому отнюдь не было бы неблаговременнымъ, думается намъ, предложить теперь благосклонному вниманію любителей духовнаго просвѣщенія рѣчь *о государственномъ значеніи церковно-приходской школы*. И такъ какъ цѣль возстановляемыхъ нынѣ церковно-приходскихъ школъ, по Высочайше утвержденнымъ въ 1884 году правиламъ о нихъ, заключается не въ томъ, чтобы поддерживать „суевѣріе и невѣжество“, а въ томъ, чтобы „утверждать въ народѣ православное ученіе *вѣры* и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія“ (§ 1): то съ этой именно точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ вести и разсужденіе о предметѣ нашей рѣчи.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ началѣ осени праздновалось тысячелѣтіе Россіи. Россія, такъ сказать, отдавала публичный отчетъ за протекшее 1000-лѣтіе своей государственной жизни и дѣятельности. Хотя главное торжество праздника сосредоточилось въ Новгородѣ, гдѣ въ 862 году началъ княжить Рюрикъ, однако и Москва,— собирательница Россіи и установительница единодержавія не была безучастна къ этому празднованію. Прежде чѣмъ отправиться въ Новгородъ на праздникъ тысячелѣтія Россіи, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ свою первопрестольную столицу,—средоточіе русской святыни, сердце Россіи. Приснопамятный святитель Московскій Филаретъ, 19 августа встрѣтилъ Государя въ Успенскомъ соборѣ (также не лишенномъ государственнаго значенія въ жизни Россіи) рѣчью, въ которой между прочимъ говорилъ: „что было началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи? Что объединило ее послѣ княжескаго раздробленія? Что не допустило ее пасть подъ чуждымъ игомъ, и исторгло изъ подъ

ига? Что изъ разрушительнаго междуусобія возсоздало ее въ сильно сосредоточенную Монархію? Не паче ли всего православная вѣра"? (Сочин. Филар. V, 549 – 550. Москва, 1885). Кому не извѣстно, сколь глубоко обдуманно было всегда каждое слово великаго учителя нашей Церкви, — Филарета. Тѣмъ болѣе печать такой обдуманности лежитъ на рѣчахъ, которыя онъ произносилъ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ, и тѣмъ большею глубиною мысли должна была отличаться такая рѣчь, слова которой мы сейчасъ привели, т. е. рѣчь, сказанная въ виду столь знаменательнаго событія, какъ празднованіе тысячелѣтія Россіи Вникнемъ же поглубже въ каждое изъ приведенныхъ словъ нашего учителя, дни памяти котораго такъ счастливо совпадаютъ съ временемъ настоящаго собранія [1]) и уяснимъ для себя ихъ значеніе. Это, безъ сомнѣнія, стоитъ труда; да и принесетъ, надѣемся, не малую пользу раскрытію предмета нашей рѣчи. — Какіе историческіе моменты имѣются въ виду святителемъ въ приведенныхъ словахъ его рѣчи? — Во первыхъ, начало настоящей гражданской или государственной жизни и просвѣщенія Россіи; во вторыхъ, объединеніе ея послѣ княжескаго раздробленія, имѣвшаго мѣсто при удѣльной системѣ, въ династіи великихъ князей Московскихъ; въ третьихъ, времена Монгольскаго ига, отъ котораго Россія освободилась лишь черезъ два съ половиною вѣка послѣ начала его, уже при великомъ князѣ Московскомъ Іоаннѣ III; въ четвертыхъ, послѣ тяжкихъ временъ междуцарствія въ началѣ XVII вѣка, возстановленіе государственнаго строя Россіи и усиленіе ея подъ монархическимъ правленіемъ доселѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ. Провѣримъ и раскроемъ все это исторически.

1) Точно ли православная вѣра была по преимуществу („паче всего") началомъ огражданствованія и просвѣщенія Россіи?

Что представляла собою теперешняя Россія до принятія ею христіанской вѣры православнаго исповѣданія?

---

1) 19 ноября—день кончины Филарета; 1 декабря—день Ангела его и 26 декабря—день его рожденія. А въ нынѣшнемъ 1887 году, сверхъ того, исполнилось и 20-лѣтіе со дня кончины его.

Народное раздробленіе, отсутствіе всякой почти гражданственности (за исключеніемъ развѣ, да и то лишь отчасти, Новгорода и Кіева), полнѣйшую грубость нравовъ, господство дикихъ страстей, отсутствіе самомалѣйшаго вида просвѣщенія и т. п. Извѣстно напр. по лѣтописямъ, сколь великою грубостію нравовъ, сколь дикою свирѣпостію отличались Древляне. Извѣстно также, какими кровавыми расправами обыкновенно оканчивались сходки племенныхъ старшинъ, имѣвшія даже и добрую цѣль по своему началу (общинное обсужденіе племенныхъ дѣлъ и вопросовъ). Равнымъ образомъ извѣстны также весьма жестокія, нерѣдко злодѣйски—предательскія, и обыкновенно кровавыя дѣйствія первыхъ князей—язычниковъ: Олега, предательски поступившаго съ князьями Кіевскими—Аскольдомъ и Диромъ; не могшаго жить безъ удовлетворенія жажды крови Святослава Игоревича и др. Только съ принятіемъ христіанства Русскими начинается настоящее „ограждапствованіе“ Россіи. Смягчая грубость нравовъ, укрощая страсти, смиряя волю въ послушаніе закону Божію, христіанская вѣра уже тѣмъ самымъ располагала принимавшихъ ее къ мирнымъ занятіямъ гражданскимъ, способствовала утвержденію правосудія, полюбовному, основанному на взаимныхъ уступкахъ и согласіи, распредѣленію наслѣдственныхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществъ, владѣній и т. д. Съ принятіемъ христіанства и въ самыхъ князьяхъ воинственный духъ, страсть къ кровавымъ расправамъ и къ завоеваніямъ уступили мѣсто стремленіямъ къ мирному гражданскому устроенію и развитію Россіи. Доказательство этого можно видѣть уже въ Аскольдѣ и Дирѣ, въ Игорѣ (тайно христіанствовавшемъ) и особливо въ супругѣ Игоря, Ольгѣ, а равно и въ ихъ подданныхъ, принимавшихъ христіанство. Но нагляднѣйшее доказательство того же лѣтописи даютъ видѣть на примѣрѣ крестившаго Русь князя Владиміра—язычника и Владиміра—христіанина. Съ принятіемъ христіанства онъ измѣнился до неузнаваемости, и благодаря такой перемѣнѣ Русь весьма подвинулась впередъ въ своемъ гражданскомъ благоустройствѣ. Еще болѣе сдѣлалъ въ томъ же отношеніи сынъ Владиміра, Ярославъ, не даромъ прозванный Мудрымъ. „Русская правда“ Ярослава служитъ

наилучшимъ памятникомъ его стремленій къ ограждансствованію Россіи, и при томъ именно съ христіанской точки зрѣнія.

Вмѣстѣ съ „ограждансствованіемъ“, православная вѣра послужила началомъ и „просвѣщенія“ Россіи, что всего болѣе интересуетъ насъ въ настоящую минуту. Между тѣмъ какъ до введенія христіанства въ Россію, о просвѣщеніи не было и помину въ ней, съ принятіемъ христіанства русскими просвѣщеніе мало по малу стало прививаться и къ нимъ, а съ общимъ крещеніемъ Руси при Владимірѣ сдѣлало и очень быстрые сравнительно успѣхи. Не даромъ самое принятіе христіанства вообще обозначается какъ *просвѣщеніе* вѣрою, *просвѣщеніе* свѣтомъ вѣры Христовой, *ученіе* вѣрѣ. Уже съ самымъ крещеніемъ въ христіанствѣ всегда соединялось оглашеніе, ученіе, согласно заповѣди Спасителя, данной Апостоламъ, а чрезъ нихъ и ихъ преемникамъ – епископамъ и пресвитерамъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ* (Матѳ. 28, 19. 20). Какое здѣсь разумѣется ученіе или ученіе, это ясно изъ самой же заповѣди Спасителя, указующей на „вѣроученіе“ (*научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*) и „нравоученіе“ (*учаще ихъ блюсти вся елика заповѣдахъ вамъ*). А такъ какъ Господь Спаситель *заповѣдалъ* весьма многое или, лучше сказать, все необходимое для спасенія человѣка въ его временной и вѣчной жизни, раскрытое предъ нами въ Евангеліяхъ и прочихъ Апостольскихъ Писаніяхъ: то ученіе или ученіе это можно было бы назвать вообще *христіанскимъ*. Христіанское же ученіе заключаетъ въ себѣ основы ученія не только новозавѣтнаго, но и ветхозавѣтнаго, не только умозрительнаго, но и дѣятельнаго, не только догматическаго съ нравственнымъ, но и историческаго, литургическаго и т. д., не только священно-церковнаго, но и государственнаго. Оно же поощряетъ и всякое „полезное знаніе“, Апостольскимъ внушеніемъ: *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте* (Филип.

4, 8). Но такъ какъ, въ виду вѣчнаго спасенія человѣка, которое составляетъ *единое на потребу* (Лук. 10, 42), свѣтское или, по Апостольскому выраженію, *телесное обученіе вмали есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8): то само собою разумѣется, что преобладающимъ характеромъ основывающагося на вышеприведенной заповѣди Спасителя ученія христіанскаго долженъ былъ оставаться характеръ *Божественный, церковный*. Этотъ характеръ проходитъ чрезъ всю дальнѣйшую просвѣтительную дѣятельность основанной Христомъ и Апостолами Церкви въ лицѣ главныхъ и ближайшихъ представителей ея—пастырей и учителей; въ силу чего св. Церковь и на всѣ послѣдующія времена какъ самую обязанность пастырей—учить народъ, такъ и характеръ этого ученія или наученія, обученія утвердила своими правилами. Для незнающихъ или забывающихъ эти правила приводимъ важнѣйшія изъ нихъ. VII всел. соб. прав. 10 такъ гласитъ о священникѣ въ его отношеніи къ своему приходу: „да идетъ учити отроковъ и домочадцевъ, читая имъ Божественное писаніе: ибо для сего и священство получилъ“. Того же собора правило 2-е: „поелику мы въ псалмопѣніи обѣщаемъ Богу: *во оправданіихъ Твоихъ поучуся, не забуду словесъ Твоихъ* (Псал. 118, 6): то и всѣмъ христіанамъ сіе сохранити есть спасительно, паипаче же пріемлющимъ священническое достоинство. Сего ради опредѣляемъ: всякому имѣющему возведену быти на епископскій степень, непремѣнно знати Псалтирь, да тако и весь свой клиръ вразумляетъ поучатися изъ оныя. Такожде тщательно испытывати его митрополиту, имѣетъ ли усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ, читати священныя правила, и святое Евангеліе, и книгу Божественнаго Апостола, и все Божественное писаніе, и поступати по заповѣдямъ Божіимъ, и учити порученный ему народъ. Ибо сущность іерархіи нашея составляютъ Богопреданныя словеса, то есть, истинное вѣдѣніе Божественныхъ писаній, якоже изрекъ великій Діонисій. Аще же колеблется, и не усердствуетъ тако творити и учити: да не рукополагается. Ибо пророчественно рекъ Богъ: *ты умѣніе отверглъ еси, отвергу и Азъ тебе,*

да не жречествуеши Мнѣ (Осіи 4, 6)". Апост. прав. 58-е: „епископъ, или пресвитеръ, не радящій о причтѣ и о людехъ, и не учащій ихъ благочестію, да будетъ отлученъ. Аще же останется въ семъ нерадѣніи и лѣности: да будетъ извержепъ". VI вселен. соб. правило 19-е: „предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучати весь клиръ и народъ словесамъ благочестія, избирая изъ Божественнаго писанія разумѣнія и разсужденія истины, и не преступая положенныхъ уже предѣловъ и преданія Богоносныхъ отецъ: и аще будетъ изслѣдуемо слово писанія, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учители церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе да удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы, при недостаткѣ умѣнія въ семъ, не уклонитися отъ подобающаго. Ибо, чрезъ ученіе вышеречепныхъ отецъ, люди, получая познаніе о добромъ и достойномъ избранія, и о неполезномъ и достойномъ отвращенія, исправляютъ жизнь свою на лучшее, и не страждутъ недугомъ невѣдѣнія, но, внимая ученію, побуждаютъ себя къ удаленію отъ зла, и, страхомъ угрожающихъ наказаній, содѣлываютъ свое спасеніе" [1]). Въ согласіи съ этимъ всегда дѣйствовали ревностные пастыри и учители Церкви Христовой въ Греціи. И въ этомъ-то смыслѣ о многихъ изъ нихъ въ нашихъ старыхъ славянскихъ грамматикахъ говорится, напр., что тотъ или другой изъ нихъ, послѣ обученія „грамотѣ" (разумѣется, греческой) или иногда и „грамматикіи", „первѣе убо Божественныя писанія наша навыче", или что „по наученіи Псалтыри пустиша его (Николая Студита) родителя въ Константинь градъ" и под. (*Мелетія Смотрицкаго*, Славян. грам. л. 12, 13; срав. 2, 3 и др.). Такимъ же образомъ дѣйствовали и въ славянскихъ земляхъ выпедшіе изъ Греціи св. братья Кириллъ и Меѳодій съ своими учениками, не даромъ названные просвѣтителями славянъ. Они изобрѣли для послѣднихъ и славянскую азбуку,—основаніе грамотности, просвѣ-

---

1) Хотя въ этомъ послѣднемъ правилѣ имѣется ближе всего въ виду поученіе съ церковной каѳедры, но это не препятствуетъ ему имѣть значеніе и для настоящаго случая.

щенія. Ибо просвѣщать безъ письменъ значило бы,—разсуждалъ одинъ изъ св. братьевъ (Кириллъ),—тоже, что „на водѣ бесѣду написати“ (см. *Кирилло-Меѳод. Сборн.* стр. 21. Москва, 1865) [1]). Для той же цѣли перевели они съ греческаго на славянскій языкъ болѣе необходимыя книги священныя, богослужебныя и другія церковныя, начавъ это святое дѣло свое, по обычаю, молитвою. Это было за нѣсколько лѣтъ до призванія князей варяжскихъ на Русь, а вообще просвѣтительная дѣятельность славянскихъ апостоловъ совпадала по времени съ первыми десятилѣтіями государственной жизни Россіи подъ управленіемъ князей изъ рода Рюрика (св. Кириллъ скончался въ 869, а св. Меѳодій въ 885 году). Сѣмя просвѣщенія, брошенное св. братьями среди славянъ южныхъ и западныхъ, перенесено было въ свое время и въ Россію, именно вмѣстѣ съ принятіемъ ею христіанства, и здѣсь дало обильный плодъ, особенно же съ общимъ крещеніемъ Руси при Владимірѣ. Великій князь Владиміръ, приступая къ столь великому дѣлу, какъ просвѣщеніе подвластнаго ему народа христіанскою православною вѣрою, подобно св. Кириллу и Меѳодію, предваряетъ его молитвою. Именно еще предъ взятіемъ Корсуня Владиміръ, самъ уже христіанинъ, обращается къ Богу съ такою молитвою: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошу, да даси ми градъ, да пріиму и, и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научать люди (мои) закону хрестьянскому“ (монаха Іакова, „похвала князю русскому Володимеру“). И послѣ взятія Корсуня Владиміръ подлинно привелъ съ собою въ Кіевъ многіе „люди хрестьяны и попы“; а вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и славянскія богослужебныя книги—переводный трудъ св. Кирилла и Меѳодія (тамъ же). Заручившись такимъ образомъ всѣмъ необходимымъ на первый разъ для наученія народа своего закону христіанскому, Владиміръ въ государствѣ своемъ теперь „нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье

---

[1]) Срав. подобную же мысль въ „архипастырскомъ возваніи высокопреосв. Исидора къ духовенству Новгородской епархіи“ отъ 1885 года. Церк. Вѣстн. за 1885 г. № 41.

приводити по всѣмъ градомъ и селомъ". Такъ сообщаетъ лѣтописецъ и за тѣмъ, какъ бы въ прямое соотвѣтствіе древнему порядку наученія, соединявшагося съ крещеніемъ, непосредственно присовокупляетъ, что тотъ же „Володимеръ, пославъ, нача поимати у нарочитое чади (т. е. у знатныхъ людей, бояръ) дѣти и даяти нача на ученье книжное" (*Полн. собр. рус. лѣтоп.* I, 51) т. е. приведеннымъ изъ Греціи ученымъ людямъ „хрестьяномъ и попомъ". Уже изъ этого послѣдняго обстоятельства можно видѣть, каковъ долженъ былъ быть характеръ этого „ученья книжнаго". Не даромъ лѣтописецъ къ сейчасъ сказанному добавляетъ слѣдующее: „симъ же", т. е. дѣтямъ, „раздаяномъ на ученье книгамъ, сбыться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: *во оны дніи услышатъ глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ*", т. е. добавляетъ тоже самое, что и Паннонскій жизнеописатель св. Меѳодія добавляетъ къ своему описанію просвѣтительной дѣятельности послѣдняго и плодовъ ея. И какъ самъ Владиміръ, по свидѣтельству лѣтописи, „бѣ любя словеса книжна" *(Пол. собр. р. лѣт.* I, 54), такъ и другимъ въ своемъ государствѣ желалъ духовнаго просвѣщенія чрезъ тѣ же „словеса книжна". Въ силу этого ближе всего онъ, конечно, постарался сдѣлать причастными этому просвѣщенію своихъ дѣтей. И изъ нихъ о св. Борисѣ и кн. Ярославѣ мы имѣемъ положительныя лѣтописныя данныя, свидѣтельствующія объ ихъ образованіи и начитанности. О просвѣщеніи стороннихъ людей говорено было сейчасъ.— Ярославу, вскорѣ послѣ кончины Владиміра, досталось въ удѣлъ и самое великое княженіе, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженіе начатаго отцемъ его по дѣлу духовнаго просвѣщенія народа русскаго. И онъ явился достойнымъ преемникомъ славы отца какъ въ другихъ, такъ и въ этомъ отношеніяхъ. Въ продолжительное время великаго княженія своего (1019—1054) Ярославъ утвердилъ на прочныхъ основаніяхъ дѣло, начатое св. первоучителями славянскими и перенесенное въ Россію его предшественниками, разширивъ дѣло духовнаго просвѣщенія народа умноженіемъ способовъ просвѣщенія и распространеніемъ предѣловъ его, но съ сохраненіемъ основнаго характера его,—*Божественнаго, цер-*

ковнаго. Вотъ какъ древне-русская лѣтопись изображаетъ отношеніе Ярослава къ дѣлу духовнаго просвѣщенія народа русскаго и самое это дѣло, имъ совершенное. „И присемъ,— читаемъ въ Лаврент. лѣтописи,—нача вѣра хрестьянская плодити ся и разширяти, и черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и во дне: и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и списка, имиже поучающеся вѣрніи людье, наслаждаются ученья Божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять нищу бескудну: тако и сь (сей). Отецъ бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ, се бо суть рѣкы напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ хваля глаголаше: *Азъ премудрость вселихъ, совѣтъ, разумъ и смыслъ Азъ призвахъ* и пр. (Притч. 8, 12 и дал.). Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно: то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуетъ съ Богомъ или со святыми мужи; почитая пророческія бесѣды, и евангельская ученья и апостольская, житья святыхъ отець, въспріемлеть душа велику ползу. Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви святой Софьи, юже созда самъ. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы, и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ (т. е. содержаніе), веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ, и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстіи“ (тамъ же, стр. 65 — 66). Равнымъ образомъ, подобно отцу своему, Ярославъ въ 1030 году, прибывъ въ Новгородъ, „собра

отъ старостъ и отъ поповыхъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ" (*Новгор. лѣтоп.* подъ 1030 годомъ). Нечего разъяснять и безъ того ясныя черты дѣла просвѣщенія Руси при Ярославѣ во всѣхъ его подробностяхъ. Мы скажемъ только то, что это просвѣщеніе было чисто церковное, религіозное и по объему начальное, простиралось на всѣ сословія и состоянія безъ различія, сосредоточивалось главнымъ образомъ въ церковныхъ приходахъ, совершалось ближе всего подъ руководствомъ или смотрѣніемъ священниковъ, имѣло для себя поддержку и въ монастыряхъ, а пособія въ церковныхъ и монастырскихъ библіотекахъ, которыя наполнялись книгами (рукописными), конечно, соотвѣтствующаго же содержанія. При этомъ самыми любимыми книгами для чтенія, какъ мы уже отчасти и видѣли, были: Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, Часословъ, и нѣкоторыя другія изъ богослужебныхъ книгъ; за тѣмъ—Житія святыхъ и Прологъ; изъ твореній свято-отеческихъ особенно творенія св. Іоанна Златоуста, св. Ефрема Сирина и нѣк. др. Книгъ такъ называемаго свѣтскаго содержанія почти совсѣмъ не было или и онѣ окрашивались характеромъ религіозности и правоучительности, каковы напр. лѣтописи и т. п. Итакъ вотъ то достояніе со стороны просвѣщенія, которое Россія приняла во время оно отъ св. Кирилла и Меѳодія чрезъ посредство православной Греціи; вотъ въ какомъ видѣ оно перешло къ намъ на Русь и привилось у насъ. Наши предки не гнались за многимъ, а старались только о томъ, чтобы, заручившись начальными основаніями грамотности (на церковно-славянскомъ языкѣ) и счетоводства, основывавшагося также на церковно-славянской азбукѣ, перейти къ чтенію или, какъ говорилось тогда, къ „почитанью" книгъ Божественныхъ и вынести отсюда душевную пользу какъ чрезъ просвѣщеніе ума свѣтомъ истины христіанской, такъ и чрезъ укрѣпленіе воли въ добрѣ и чрезъ утвержденіе сердца въ истинно христіанскихъ чувствованіяхъ. Въ этомъ смыслѣ пастыри и учители русской церкви поучали народъ и съ церковной каѳедры. Такъ напр. знаменитый проповѣдникъ XII вѣка Кириллъ, епископъ Туровскій въ своемъ „Паказаньи" мірянамъ увѣщаваетъ ихъ „почи-

тать святыя книги“ и не извиняться тѣмъ, что дескать „не наше есть дѣло почитанье книжное, но чернечьское“. Говорящихъ же: „аще и чту, но не разумѣю“, онъ наставляетъ очистить сердце и душу къ пріятію премудрости, о невѣдомомъ же вопрошать мудрѣйшихъ себя и съ вѣрою ждать вразумленія отъ Бога. Въ такомъ же видѣ и направленіи просвѣщеніе на Руси шло и въ послѣдующія времена, съ нѣкоторою разницею лишь въ успѣхѣ и широтѣ дѣла, зависѣвшею отъ политическихъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась въ то или другое время Россія. — Такимъ образомъ вѣрно слово, что по преимуществу православная вѣра „была началомъ“ не только „ограждапствованія“, но и „просвѣщенія“ Россіи.

2) Но къ глубокому сожалѣнію, первые русскіе князья, вводя ограждапствованіе и просвѣщеніе въ Россію, ввели въ нее и такъ называемую „удѣльную систему“. Уже первые варяжскіе (норманнскіе) князья, призванные править Россіею, три брата Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, подѣлили ее между собою, иначе сказать, раздѣлили на удѣлы. Подобное же было и дальше. Такое положеніе вещей служило неизсякаемымъ источникомъ недовольства, споровъ и войнъ изъ за преобладанія, изъ за великокняжескаго титула, изъ за наслѣдія, особенно если въ числѣ наслѣдовавшихъ меньшіе или худшіе удѣлы по старшинству оказывались князья предпріимчивые, воинственные, завистливые. Такъ послѣ смерти равноапостольнаго князя Владиміра (1015 г.), раздѣлившаго Русь на удѣлы между сыновьями своими, которыхъ было много, старшій сынъ его Святополкъ, княжившій въ Кіевѣ съ титуломъ великаго князя, не довольствуясь своимъ владѣніемъ, задумалъ истребить всѣхъ братьевъ своихъ, чтобы одному владѣть всею Русью. Онъ уже успѣлъ умертвить двухъ братьевъ — Бориса и Глѣба (причтенныхъ св. церковію къ лику св. мучениковъ), и только одинъ изъ остальныхъ братьевъ, — Ярославъ Новгородскій остановилъ его дальнѣйшія попытки въ томъ же родѣ. Онъ вооружился противъ Святополка (прозваннаго Окаяннымъ) и послѣ побѣды надъ нимъ изгналъ его изъ Кіева, въ которомъ сталъ княжить самъ вмѣсто его. Но пока живъ былъ Ярославъ

Мудрый, онъ умѣлъ сдерживать всѣ порывы остальныхъ удѣльныхъ князей (своихъ братьевъ и племянниковъ) къ спорамъ и разногласіямъ; а едва только умеръ онъ, назначивъ по обычаю своимъ сыновьямъ удѣлы, какъ опять начались усобицы княжескія. Тоже самое повторилось и послѣ Владиміра Мономаха (1113 — 1125), соединившаго было Русь подъ своею властію. Яблокомъ раздора было обыкновенно Кіевское великое княженіе, благодаря чему Кіевъ подвергался неоднократнымъ нападеніямъ, осадѣ и разоренію, что въ свою очередь способствовало ею паденію. За тѣмъ, и отчасти поэтому, возвысилось на сѣверѣ княжество Суздальское съ великимъ княженіемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, но на ряду съ нимъ, хотя и съ меньшимъ значеніемъ. были почти вполнѣ независимыми княжествами также Кіевское, Черниговское, Смоленское, Галицкое, Рязанское и др., что было уже прямо распаденіемъ Руси на отдѣльныя политическія единицы. Какъ это распаденіе, такъ и особенно княжескія усобицы, съ одной стороны, препятствовали правильному развитію и дальнѣйшему процвѣтанію гражданствованія и просвѣщенія Россіи, а съ другой — ослабляли ее въ борьбѣ съ внѣшними врагами, сперва Печенѣгами, потомъ Половцами и наконецъ Монголами, надолго покорившими Русь своей власти Хотя поздно, однако поняли наконецъ русскіе князья всю непригодность, даже болѣе того, — пагубность удѣльной системы. Остававшіяся безплодными, благодаря этой системѣ, такія предложенія, какъ предложеніе князей, собравшихся въ 1097 году въ Любечѣ: „зачѣмъ мы своими распрями губимъ русскую землю и даемъ Половцамъ разорять ее? Будемъ жить дружно и охранять свои отчины“, могли имѣть полное значеніе и примѣненіе на дѣлѣ лишь съ уничтоженіемъ удѣльной системы и съ утвержденіемъ единодержавія. За эту мысль объ утвержденіи единодержавія, добрые плоды котораго уже видны были въ Рюрикѣ (послѣ смерти его братьевъ), Владимірѣ святомъ, Ярославѣ и Владимірѣ Мономахѣ, со всею силою взялись, съ полнымъ умѣньемъ и блистательно выполнили ее князья Московскіе, происходившіе изъ рода князей Суздальскихъ и слѣдовательно носившіе титулъ великихъ

князей Владимірскихъ. Уже знаменитый предокъ ихъ, св. благовѣрный князь Александръ Ярославичъ Невскій, княжившій въ Новгородѣ, прославилъ себя съ одной стороны побѣдами надъ Нѣмцами и Шведами (въ 1240 г.), а съ другой — мудрою политикою покорности монголамъ (Батыю). Послѣ его смерти, которую оплакивала вся Россія, одинъ изъ сыновей его, Даніилъ, получилъ въ удѣлъ г. Москву, и съ тѣхъ поръ начинается возвышеніе послѣдней и княжества Московскаго. Главнымъ виновникомъ этого возвышенія былъ сынъ Даніила, Іоаннъ Калита. Дѣятельный, благоразумный, бережливый. Калита (самое прозваніе это означаетъ „мѣшокъ съ деньгами") съумѣлъ привлечь на свою сторону хана золотой орды Узбека и не смотря на сильный противовѣсъ въ лицѣ Тверскаго князя Александра Михайловича, не смотря на отсутствіе юридическихъ, такъ сказать, основаній къ занятію великокняжескаго престола, онъ въ 1328 году получитъ титулъ великаго князя Владимірскаго, продолжая однако жить въ Москвѣ. Съ того времени великое княженіе не переставало быть въ его родѣ, благодаря чему Москва, собирая вокругъ себя мало по малу всѣ удѣльныя княжества и распоряжаясь ими какъ подвластными себѣ, все болѣе и болѣе усиливалась и укрѣплялась, пока не обратилась въ столицу царства Русскаго. — Какое же, спрашивается теперь, ко всему этому имѣла отношеніе православная вѣра?—Глубокое и многостороннее. Не говоря о христіанскомъ духѣ любви, кротости и т. п., который внушала она, чрезъ пастырей церкви, князьямъ во время ихъ междуусобій и распрей, она именно служила къ „объединенію Россіи послѣ княжескаго раздробленія." И прежде всего приведемъ примѣры примиренія враждующихъ. Святославъ, сынъ Ярослава мудраго, нарушившій завѣщанный отцемъ миръ, встрѣтилъ сильнаго обличителя своихъ властолюбивыхъ замысловъ въ преподобномъ Ѳеодосіи Печерскомъ, который то кроткими увѣщаніями, то грозными прещеніями дѣйствовалъ на князя, чтобы убѣдить его возвратить престолъ великокняжескій старшему брату, и ни гнѣвъ, ни наружные знаки уваженія князя къ преподобному не заставили послѣдняго прекратить свои настоянія. За тѣмъ,

когда сынъ Святослава Олегъ началъ возбуждать междуусобныя распри, въ то время какъ съ юга грозили нападеніемъ Половцы, прочіе князя приглашали его—въ общемъ совѣтѣ передъ епископами и игуменами договориться о томъ, какія между князьями должны быть наиболѣе правильныя отношенія, и хотя Олегъ по началу не хотѣлъ соглашаться на это, однако потомъ, потерпѣвъ нѣсколько неудачъ, согласился, и при посредствѣ предстоятелей церкви заключенъ былъ мирный договоръ, утвержденный крестнымъ цѣлованіемъ. Когда Святополкъ, сынъ Изяслава, вѣроломнымъ и жестокимъ поступкомъ своимъ съ Васильком возбудилъ противъ себя негодованіе всѣхъ князей и послѣдніе съ своими дружинами уже приблизились къ Кіеву для наказанія его, тогда митрополитъ Николай самъ отправился въ станъ князей и уговорилъ ихъ не совершать кровопролитія и помириться съ Святополкомъ. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго брата его, бывшаго у него въ плѣну, митрополитъ говорилъ Юрію: „грѣхъ тебѣ цѣловавшему крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а ты еще хочешь выдать его на убійство.“ И Юрій послушался святителя. Подобнымъ же образомъ дѣйствовали, во имя святой православной вѣры, и другіе многіе архипастыри и пастыри во время междуусобныхъ распрей княжескихъ, руководясь тѣмъ высокимъ соображеніемъ, какое одинъ изъ нихъ прямо и высказалъ въ собраніи князей: „мы Богомъ поставлены на Русской землѣ, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія.“ — Далѣе, въ отношеніи къ объединенію Россіи послѣ княжескаго раздробленія должно прежде всего сказать то, что Россія приняла православную вѣру отъ Греціи въ то время, когда въ послѣдней единодержавіе (имѣющее для себя прочныя основанія и въ св. Писаніи) было господствующимъ образомъ правленія государственнаго, и въ столицѣ Византійской имперіи—Константинополѣ жилъ высшій представитель церковной іерархіи—патріархъ. Могли ли же архипастыри и пастыри Церкви русской, составлявшей въ разсматриваемое время одну изъ митрополій Константинопольскаго патріархата, благосклонно смотрѣть на политическое раздробленіе Россіи?

Всѣ усилія ихъ во все время господства удѣльной системы на Руси были направлены къ тому, чтобы какъ можно болѣе поддержать и утвердить великокняжескій престолъ преимущественно предъ всѣми другими княжескимя престолами. Сами великіе князья, или же князья, желавшіе получить великокняжескій титулъ, старались привлечь архипастырей и пастырей русской церкви на свою сторону, пользуясь ихъ благословеніемъ, какъ высшею санкціею своей власти; имѣя въ виду значеніе святителей въ глазахъ народа, какъ высшихъ носителей и блюстителей православной вѣры, они старались, для той же цѣли, перенести и самую резиденцію митрополита въ свой стольный городъ. По этому-то въ удѣльный періодъ мы видимъ митрополичьи каѳедры сначала въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ на Клязьмѣ и наконецъ въ Москвѣ. Когда Московскіе князья, въ борьбѣ съ Тверскими, обнаружили настойчивое стремленіе къ сосредоточенію и утвержденію власти единоличной и особенно когда одинъ изъ нихъ, именно вышеупомянутый Іоаннъ (Калита) пришелъ къ благому намѣренію „собрать всю Русскую землю“ вокругъ Москвы: то на поддержку этого благаго намѣренія явилась православная вѣра въ лицѣ ея высшихъ представителей. И вотъ первый краеугольный камень въ основаніе единодержавія положенъ былъ святительскою рукою Петра митрополита. Еще до утвержденія Іоанна въ званіи великаго князя святитель Петръ перенесъ свою (митрополичью) каѳедру изъ Владиміра на Клязьмѣ въ Москву. Князья Владимірскіе охлаждали къ себѣ любовь народа и святителей своими постоянными раздорами и кровопролитіями. Святитель Петръ полюбилъ добраго Московскаго князя Іоанна, одобрялъ его благія намѣренія, зрѣлъ духомъ будущее величіе Москвы, и—весною 1325 года переселился въ Москву, а въ слѣдующемъ году, убѣждая князя воздвигнуть новый храмъ Богоматери во имя ея Успенія, пророчески говорилъ ему: „если послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ паче иныхъ князей, и градъ твой славенъ будетъ предъ всѣми городами русскими, и святители поживутъ въ немъ, руки его взыдутъ на плечи враговъ нашихъ, и прославится Богъ нашъ“ (*Филарета* Черниг. Ист. рус. церкви, стр. 79. Спб.

1877). Въ самомъ дѣлѣ утвержденіе митрополіи и пребываніе митрополита въ Москвѣ придавало ей особенно важное значеніе въ глазахъ народа, видѣвшаго въ этомъ благословеніе Божіе почивающее на Москвѣ, а князьямъ Московскимъ доставляло усердныхъ и мудрыхъ совѣтниковъ, ревностныхъ сотрудниковъ въ лицѣ митрополитовъ и ихъ помощниковъ. Преемники св. Петра митрополита неуклонно слѣдовали его мудрымъ правиламъ дѣйствованія въ отношеніи къ утвержденію и распространенію власти Московскихъ князей и тѣмъ самымъ какъ-бы содѣйствовали исполненію его пророчества. Такъ митр. Ѳеогностъ поддерживалъ Московскаго князя Іоанна въ борьбѣ за велико-княжескій престолъ съ Тверскимъ княземъ Александромъ, котораго, силою духовнаго запрещенія, заставилъ отказаться отъ соперничества и удалиться изъ Пскова, подъ защиту котораго онъ было скрылся. Особенно же много потрудился надъ усиленіемъ Москвы и утвержденіемъ въ ней единодержавія св. Алексій митрополитъ. Его помощь особенно нужна была при слабомъ Іоаннѣ Іоанновичѣ и малолѣтнемъ сынѣ послѣдняго Димитріѣ Донскомъ. Послѣдній только благодаря вліянію святителя, не смотря на юность свою, получилъ отъ хана золотой орды, также уважавшаго первосвятителя земли русской, титулъ великаго князя; при его же мудромъ руководствѣ и содѣйствіи обуздалъ порывы властолюбія князей Новогородскихъ и Тверскихъ, а прочихъ держалъ въ повиновеніи себѣ. Ольгердъ Литовскій чувствовалъ всю силу вліянія святителя на уничтоженіе его собственныхъ замысловъ, направленныхъ къ возмущенію удѣльныхъ князей противъ князя Московскаго и жаловался на него Константинопольскому патріарху: „до нынѣ и при отцахъ нашихъ не бывало такого митрополита, каковъ сей митрополитъ: благословляетъ Москвитянъ на пролитіе крови! А кто цѣловалъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нему, митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе“ (*Филар.* Черниг. Ист. р. ц., стр. 83). Само собою разумѣется, что жалоба эта осталась безъ послѣдствій. Мудрой заботливости и предусмотрительности того же святителя Россія обязана введеніемъ и новаго порядка престолонаслѣдія —отъ отца къ сыну, чрезъ что предотвращались столь ча-

стые и бѣдственные споры князей о престолонаслѣдіи. Подобнымъ же образомъ и слѣдуя тѣмъ же мудрымъ предначертаніямъ. митроп. Фотій дѣйствовалъ въ пользу малолѣтняго Василія Васильевича (Темнаго) противъ притязаній сильнаго Юрія Галицкаго. Другіе представители церкви дѣйствовали за тѣмъ въ пользу тогоже Василія и противъ притязаній сына Юріева, Димитрія Шемяки; и по преимуществу благодаря силѣ вліянія церковной власти, послѣ долгихъ колебаній, окончательно утвердилась власть великихъ князей Московскихъ, чему особенно много послужилъ послѣдній изъ чествуемыхъ русскою церковію трехъ святителей Московскихъ - св. Іона, и въ соборѣ пастырей и властію митрополичьею дѣйствовавшій въ пользу Василія противъ Шемяки, пока первый не утвердился окончательно на престолѣ и тѣмъ не утвердилось единодержавіе, въ виду котораго сынъ Василія, Іоаннъ III могъ уже справедливо именоваться Царемъ и Самодержцемъ всея Руси. Это званіе еще болѣе усилилось благодаря тому, что около того времени совершилось паденіе Константинополя подъ ударами Турокъ (въ 1453 году) и Іоаннъ III вступилъ въ бракъ съ племянницею послѣдняго изъ Византійскихъ Императоровъ Софіею Палеологъ, чрезъ что какъ бы сдѣлался преемникомъ ихъ власти на востокѣ, усвоилъ многіе обычаи Византійскаго двора, между прочимъ заимствовалъ оттуда чинъ священнаго вѣнчанія на царство и къ русскому государственному гербу—св. Георгія Побѣдоносца присоединилъ гербъ византійскій—двуглаваго орла. Достаточно посмотрѣть этотъ чинъ вѣнчанія, съ небольшими измѣненіями дѣйствовавшій и во все дальнѣйшее время государственной жизни Россіи, чтобы убѣдиться въ томъ, сколь велико значеніе православной вѣры и церкви при этомъ высшемъ освященіи самодержавной власти.

3) Объединеніе Россіи послѣ княжескаго раздробленія, собираніе Руси совершаемо было Московскими князьями въ тиши временъ ига Монгольскаго. При удѣльной системѣ, бывшей въ то время еще въ полной силѣ, иго это грозило совершеннымъ уничтоженіемъ самой народности русской и исчезновеніемъ ея въ волнахъ нашествій несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ, если бы на помощь не явилась святая пра-

вославная вѣра съ ея вѣрными хранителями и проповѣдниками—пастырями и учителями церкви. Она главнымъ образомъ не допустила Россію пасть подъ чуждымъ игомъ и исторгла изъ подъ ига, въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ тяготѣвшаго надъ нею. Предъ несмѣтными толпами инородцевъ и ихъ воинственною отвагою не могли устоять слабыя силы раздробленной Россіи; отъ меча и огня вражескаго города и села превращались въ безлюдныя пустыни, отъ ненасытной жажды варваровъ къ хищенію и грабежу не было пощады никому и ничему. Но едва ослабѣлъ первый ужасъ нашествій монгольскихъ, какъ русскіе князья снова обратились къ раздорамъ и междуусобіямъ, которыя теперь сдѣлались тѣмъ пагубнѣе для народа, что враждующіе часто прибѣгали къ защитѣ и посредству хановъ золотой орды и ихъ чиновниковъ, чрезъ что сами подавали случай къ новымъ нашествіямъ татаръ. Но чѣмъ грознѣе были опасности отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, тѣмъ выше поднимается значеніе православной вѣры въ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, въ смягченіи ихъ чрезъ тѣхъ же хранителей и проповѣдниковъ ея—пастырей и учителей церкви. Извѣстно, что Монголы, согласно законамъ своимъ, а частію и изъ политическихъ видовъ, оказывали уваженіе всякой вѣрѣ, и тѣмъ болѣе почитали нашу православную вѣру и служителей ея, что видѣли, сколь сильное вліяніе имѣли послѣдніе на умы и настроеніе народныхъ массъ. Желая привлечь къ себѣ пастырей русской церкви, дабы при ихъ посредствѣ крѣпче утвердить свою власть надъ русскою землей, они, не говоря о томъ, что оставляли неприкосновенными религіозныя убѣжденія нашихъ предковъ, предоставили русскому духовенству большія права и преимущества, какъ-то: право собственнаго суда и даже свободу отъ всякой дани и повинностей, столь тяжкихъ для другихъ сословій тогдашней Россіи. Обращенія многихъ монголовъ въ христіанство, чудодѣйственная сила св. вѣры православной, проявлявшаяся въ нѣкоторыхъ изъ ея служителей (напр. исцѣленіе жены хана Чанибека вслѣдствіе молитвы святителя Алексія) и т. п. еще болѣе содѣйствовали тому же. И вотъ достойные служители св. вѣры пользовались этими правами и преимуществами главнымъ образомъ

для облегченія участи страдавшаго подъ чуждымъ игомъ отечества. Не даромъ они получили названіе „печальниковъ о всей землѣ Русской". Неоднократными ходатайствами предъ ханами золотой орды они смягчали ихъ жестокость къ порабощеннымъ, уменьшали тяжесть платимой русскими дани, обезоруживали свирѣпыхъ баскаковъ, которыхъ ханы посылали для сбора податей. Напр. святитель Алексій, послѣ чуднаго исцѣленія жены хана, исходатайствовалъ для Россіи облегченіе отъ жестокостей ханскаго посла Кошака. Его же ходатайству обязана была Россія избавленіемъ отъ жестокости Бердибека и т. д. Тѣже служители православной вѣры постоянно питали въ сердцахъ Русскихъ надежду на избавленіе отъ постыднаго ига въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, воодушевляли ихъ на борьбу со врагами свободы отечества, помогали для сего князьямъ и собственными средствами и мудрыми совѣтами и т. д. А когда самыя отчаянныя усилія въ борьбѣ со врагами оказывались безуспѣшными, тогда пастыри и учители церкви русской сладчайшими внушеніями святой вѣры и отрадными утѣшеніями надежды христіанской помогали страждущимъ благодушно переносить тяжкія страданія и не падать подъ крестомъ скорбнаго посѣщенія Божія. Въ трогательныхъ и согрѣтыхъ истинно-евангельскою любовію наставленіяхъ своихъ они поучали народъ съ покорностію волѣ Божіей принимать постигшія ихъ бѣдствія, какъ слѣдствіе съ одной стороны праведнаго гнѣва Божія, наказующаго за грѣхи, а съ другой, — какъ проявленіе любви Божіей, ниспосылающей эти бѣдствія для вразумленія и обращенія людей къ Богу. И пастырское слово было дѣйственно. По скольку *внѣшній человѣкъ* на Руси *тлѣлъ* среди бѣдствій ига монгольскаго, постольку же *обновлялся внутренній* человѣкъ, укрѣплялся въ терпѣніи, возсталъ въ силѣ вѣры и упованія, въ сознаніи превосходства своей православной вѣры предъ вѣрованіями своихъ завоевателей,—и только подъ защитою этого несокрушимаго, небеснаго всеоружія, неистощимый запасъ котораго сохраняли сами и подавали Русскимъ пастыри и учители церкви, народъ Русскій выдержалъ страшную и продолжительную грозу монгольскаго владычества, не потерялъ навсегда внѣшней свободы и сохранилъ свое свя-

щенное достояніе,—св. православную вѣру. Примѣры строгаго подвижничества, мученичества и т. д. за то время служатъ наилучшими свидѣтелями этого.

Но православная же вѣра и „исторгла Россію изъ подъ ига". И народное самочувствіе и внушенія пастырей и учителей церкви питали въ Русскихъ постоянную надежду на болѣе или менѣе скорое освобожденіе отъ порабощенія монголамъ. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было утвержденіе единодержавія, которое установилось, какъ мы видѣли выше, при ближайшемъ участіи служителей православной вѣры. Тѣже служители вѣры посредствовали утвердившимся въ единодержавіи князьямъ Московскимъ и въ освобожденіи Россіи изъ подъ ига. Кому не извѣстно, какое участіе принимали святитель Алексій, преподобный Сергій и другіе служители вѣры въ предварительныхъ опытахъ борьбы съ татарами? Куликовская битва, на которую великій князь Московскій Димитрій Іоанновичъ Донской былъ напутствованъ благословеніемъ препод. Сергія, предсказаніемъ побѣды и посольствомъ въ сподвижники двухъ иноковъ—Пересвѣта и Ослябя, на пути утѣшенъ былъ благословеніемъ епископа Коломенскаго, а предъ самымъ сраженіемъ укрѣпленъ былъ посланіемъ того же препод. Сергія, — показала, что татары и монголы не непобѣдимы. Святитель Іона побуждалъ внука Димитріева, Василія Васильевича, къ борьбѣ съ монголами, личными убѣжденіями и посланіями располагалъ и другихъ князей содѣйствовать великому князю въ борьбѣ съ врагами свободы отечества; а когда великій князь при нашествіи монголовъ удалился изъ осажденной Москвы, тогда св. Іона остался въ ней, принялъ на себя труды вождя-воина духовнаго, дабы силою молитвы и пастырскаго слова, ободрявшаго народъ къ мужеству и твердости, отстоять кремль. Онъ же въ духовномъ восторгѣ предвозвѣстилъ близкое освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига. Но вотъ наступила и самая минута этого освобожденія. Золотая орда къ половинѣ XV вѣка пришла въ упадокъ. Отъ нея отдѣлились два большія ханства—Казанское и Крымское, образовавшія изъ себя два независимыхъ царства. Великій князь Московскій Іоаннъ III очень искусно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и осо-

бепно враждою Крымскихъ хановъ къ ханамъ золотой орды Заключивъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, онъ отказался платить дань хану золотой орды Ахмату. Ахматъ пошелъ на Москву для усмиренія князя Московскаго. Осторожный Іоаннъ убоялся вступить съ нимъ въ бой: но митрополитъ Геронтій и архіепископъ Вассіанъ, согласно всеобщему желанію народа, а еще больше того въ твердомъ упованіи на помощь и милость Божію, настойчиво побуждали его взяться за оружіе для отраженія непріятеля. Іоаннъ послушался совѣта святителей, собралъ войско и двинулся на встрѣчу врагу; но встрѣтившись съ татарскими полчищами, предводимыми Ахматомъ на берегахъ Угры, не рѣшился вступить въ сраженіе и не переходилъ рѣки. Однако сила вѣры народной и молитвъ собора святителей земли Русской была такъ велика, что въ свою очередь и Ахматъ устрашился перехода чрезъ рѣку и вступленія въ бой съ русскими войсками и какъ бы гонимый невидимою силою поспѣшно удалился отъ рѣки Угры во свояси. Такъ кончилось иго монгольское. Это было въ 1480 году. Въ слѣдующемъ же столѣтіи, также не безъ помощи св. вѣры православной, покорено было и царство Казанское при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV (памятникомъ чего служитъ столько чтимая на Руси Казанская икона Божіей Матери), а потомъ мало по малу, подъ сѣнію спасительнаго единодержавія, или ослаблены или покорены были и другія части прежде столь страшной для Россіи золотой орды, т. е. царство Астраханское и ханство Крымское.

4) Но не много болѣе одного столѣтія наслаждалась Россія плодами внутренняго единодержавнаго благоустройства и внѣшней свободы, какъ нависла надъ нею новая туча ужаснѣйшихъ бѣдствій. Эти бѣдствія, правда, не были такъ продолжительны, какъ бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ монгольскаго ига, но за то были такъ глубоки, обширны и пагубны, что угрожали поколебать и искоренить всѣ основанія общественнаго благоденствія, порядка и государственной жизни Россіи. И вѣра православная, и престолъ царскій, и цѣлость государства и народная самостоятельность, — все это подвергалось крайней опасности во времена междуцарствія

и самозванцевъ; но св. церковь, въ лицѣ достойныхъ представителей ея, сохранила все это къ славѣ Божіей и благоденствію Россіи. По особому устроенію Божію предъ этимъ страшнымъ временемъ въ Россіи учреждено патріаршество и первымъ патріархомъ былъ Іовъ, пользовавшійся и по высокому сану и по личнымъ высокимъ качествамъ общимъ уваженіемъ. Служеніе его церкви и отечеству оказалось какъ нельзя болѣе благовременнымъ. Съ несчастною смертію царевича Димитрія Іоанновича пресѣкся царственный родъ. На престолъ былъ избранъ всѣми сословіями народа и законно утвержденъ ближайшій сродникъ послѣдняго царя Ѳеодора Іоанновича (бездѣтнаго), боярин Борисъ Годуновъ. Но вотъ разнеслась молва, что послѣдній самъ убилъ царевича Димитрія чрезъ своихъ клевретовъ. Злые же люди воспользовались этою молвою для того, чтобы выставить другаго кандидата на престолъ, распустивъ слухъ, что будто бы это есть спасшійся отъ рукъ убійцъ царевичъ Димитрій. Укрѣпляемый ложнымъ именемъ послѣдняго, поддерживаемый помощію іезуитскихъ интригъ и оружіемъ Польши, этотъ искатель престола мало по малу привлекалъ къ себѣ приверженцевъ, приближался все болѣе и болѣе къ цѣли своихъ преступныхъ замысловъ и наконецъ отъ войска и народа былъ признанъ царемъ. Одинъ только мужественный патріархъ Іовъ съ сонмомъ подчиненнаго ему духовенства не увлекся общимъ заблужденіемъ. Увѣрившись въ подлинномъ имени и званіи обманщика, онъ объявилъ это вовсеуслышаніе, торжественно произнесъ проклятіе на него и его сообщниковъ, особеннымъ посланіемъ къ духовенству, находившемуся въ Польшѣ и Литвѣ, убѣждалъ обличить и тамъ Лжедимитрія, въ общемъ собраніи духовенства постановилъ собрать отъ архіерейскихъ домовъ и монастырей войско, оружіе и запасы въ помощь Государству для отраженія враговъ, а по церквамъ ежедневно возносить молитвы объ успѣхахъ царскаго оружія, не переставалъ убѣждать народъ въ вѣрности данной присягѣ царю Борису и обличать измѣнниковъ. Между тѣмъ Борисъ умеръ, воцарился сынъ его Ѳеодоръ, а Лжедимитрій все еще держался. Мало того, по примѣру Басманова, не присягнувшаго Ѳеодору, многіе бояре, даже и изъ присягнувшихъ сначала Ѳеодору,

стали на сторону Лжедимитрія. Одинъ патріархъ Іовъ опять долженъ быть бороться съ измѣною и уговаривать клятвопреступниковъ исправить свою ошибку. Видя силу вліянія, какое имѣлъ патріархъ на народъ, мятежники пытались и его склонить на свою сторону, когда же эта попытка ихъ не удалась, то прибѣгли къ насилію: они ворвались въ храмъ во время литургіи, которую совершалъ самъ первосвятитель, вошли въ алтарь и сорвали съ него святительскую одежду. Тогда Іовъ снялъ съ себя панагію, положилъ ее у чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери и со слезами молился въ слухъ всѣхъ: „Владычице Богородице! Здѣсь возложена на меня панагія святительская, съ нею исправлялъ я слово Сына твоего и Бога нашего и 12 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры. Нынѣ, ради грѣховъ нашихъ, какъ вижу, бѣдствуетъ царство, обманъ и ересь торжествуютъ. Спаси и утверди православіе молитвами къ Сыну твоему“ (*Филар.* Ист. р. ц. стр. 158). Злодѣи надѣли на святителя рясу простаго монаха, издѣвались надъ нимъ, позорно таская по площади и наконецъ сослали въ Старицкій монастырь въ заточеніе. И хотя долго еще не суждено было исполниться молитвѣ страдальца — первосвятителя, однако внушенный имъ духъ правды и вѣрности не ослабѣвалъ въ другихъ архипастыряхъ и пастыряхъ церкви русской, неусыпно бодрствовавшихъ на стражѣ православія и благоденствія отечества. При ихъ содѣйствіи и вразумленіи народъ убѣдился въ обманѣ и свергъ Лжедимитрія. Призванный на царство Василій Ивановичъ Шуйскій, низложивъ возведеннаго самозванцемъ на патріаршество Игнатія, призвалъ на его мѣсто казанскаго митрополита Гермогена, мужа непоколебимой твердости и правоты, высокія святительскія достоинства котораго особенно нужны были въ то смутное время. Еще не кончилась чаша испытаній для царства и народа русскаго и для церкви русской съ избраніемъ Шуйскаго. Извѣстна несчастная судьба непродолжительнаго царствованія этого нелюбимаго царя. Извѣстны новыя попытки латинства, польщизны и крамольниковъ изъ русскихъ, направленныя къ возведенію на царство то втораго Лжедимитрія (Тушинскаго вора), то польскаго королевича Влади-

слава, а то иныхъ. Извѣстны тѣ страшныя бѣдствія, которыя, благодаря этому, постигли несчастную русскую землю едва не во всѣхъ ея частяхъ, при чемъ, подобно какъ и во время татарскихъ нашествій, все предавалось мечу, огню и поруганію, по мѣстамъ въ храмахъ раздавалось латинское пѣніе взамѣнъ русскаго—православнаго, архипастыри и пастыри подвергаемы были ужаснымъ оскорбленіямъ и насиліямъ и т. д. Но извѣстна и твердость и вѣрность православію, законному царю и народности русской, какую обнаружили хранители и носители завѣтовъ церкви православной—архипастыри и пастыри, вмѣстѣ съ вѣрными сынами матери—церкви и отечества. Извѣстны высокія доблести въ защитѣ того, другаго и третьей, какія выказали не только отдѣльныя лица изъ духовенства русскаго, каковы: патріархъ Гермогенъ, Ростовскій митрополитъ Филаретъ (впослѣдствіи также патріархъ), Тверской архіепископъ Ѳеоктистъ, святитель Коломенскій Іосифъ и мн. др., но и цѣлыя учрежденія, каковы главнымъ образомъ иноческія обители и особенно Сергіева Лавра. Отъ этихъ же лицъ и изъ этихъ мѣстъ исходило слово твердости и вѣрности для всего русскаго народа то въ видѣ поученія, то въ формѣ посланія, а то въ видѣ краткой, но сильной рѣчи. Когда наконецъ несчастный Шуйскій былъ заточенъ, поляки требовали короны для Владислава, а приверженцы Лжедимитрія—для этого послѣдняго, тогда попечительный о благѣ отечества первосвятитель Гермогенъ предлагалъ въ верховномъ совѣтѣ избрать царя изъ природныхъ русскихъ и для сего указывалъ на родственника царственному Дому юнаго Михила Ѳеодоровича Романова, сына вышеупомянутаго митрополита Филарета; однако приближеніе Польскаго войска къ Москвѣ рѣшило выборъ въ пользу Владислава. Тогда Гермогенъ и Филаретъ, сильно противившіеся этому избранію, должны были согласиться на этотъ выборъ, но только подъ тѣмъ условіемъ согласились, чтобы Владиславъ принялъ православіе, вступилъ въ бракъ съ русскою и запретилъ подъ страхомъ смертной казни отступать отъ православія. Поляки вступили въ Москву, а Сигизмундъ, король польскій, не хотѣлъ утвердить для своего сына предложенныхъ условій. Тогда мужественный

Архипастырь, воспламененный новою ревностію, разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги Владиславу, разослалъ грамоты по всѣмъ городамъ, благословляя и призывая ополчаться за родину. На пастырскій голосъ его скоро отозовались измученныя бѣдствіями отечества сердца русскихъ. Многочисленныя дружины, предводимыя Ляпуновымъ, Мининымъ и Пожарскимъ подступили къ Москвѣ. Поляки и измѣнники изъ русскихъ, видя силу и вліяніе голоса патріарха, требовали отъ него, чтобы онъ остановилъ движеніе ополченія народнаго. „Ты далъ имъ оружіе въ руки,—говорили они,—ты можешь и смирить ихъ“. Непоколебимый въ твердости святитель сказалъ на это: „запрещу ополченію итти къ Москвѣ, если увижу, что Владиславъ—сынъ православія, а Поляки оставляютъ Москву“. Салтыковъ поднялъ ножъ на патріарха. Тогда патріархъ, поднявъ крестъ, сказалъ громко: „вотъ оружіе противъ ножа твоего! Да взыдетъ вѣчная клятва на главу твою“ (*Филар.* Ист. р. ц. стр. 161. 162)... И за тѣмъ ни заточеніе, ни голодъ, ни другія мученія не заставили святителя—страдальца измѣнить свое рѣшеніе. На угрозы смертію онъ отвѣчалъ, указывая на небо: „боюсь Единаго, тамъ живущаго“! Тогда приказано было уморить его голодомъ. Но дѣло его продолжали другіе архипастыри и пастыри, а также Сергіева Лавра, откуда разсылались граматы за граматами къ возбужденію народнаго духа. Наконецъ мысль патріарха—мученика воскресла: избранъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ дома Романовыхъ. Такъ кончилось смутное время. И ктоже не согласится, что кончилось оно, благодаря силѣ православной вѣры, дѣйствовавшей чрезъ архипастырей и пастырей русской Церкви на народъ, также одушевляемый ею?

Съ воцареніемъ благословеннаго Дома Романовыхъ Россія, оправившись отъ бѣдствій, нанесенныхъ ей во времена „разрушительнаго междуусобія“ и междуцарствія, быстрыми шагами пошла по пути своего внѣшняго и внутренняго преуспѣянія. Уже внукъ перваго царя изъ этого Дома, Петръ Алексіевичъ, прозванный Великимъ, унаслѣдовавъ всѣ прежнія царственныя права, возвеличилъ значеніе царской власти принятіемъ титула Императора, ограниченіемъ значенія разныхъ

отдѣльныхъ органовъ управленія и подчиненіемъ ихъ неограниченной волѣ Монарха, вообще такъ называемою централизаціею власти, разширилъ предѣлы Россіи во всѣ стороны рядомъ побѣдъ надъ сосѣдними державами и народностями, болѣе другихъ своихъ предшественниковъ подвинулъ Россію на пути ограждансствованія и просвѣщенія посредствомъ болѣе широкаго открытія для нея дверей къ сближенію съ образованною Европою и т. д., вообще положилъ болѣе прочное основаніе тому величію и могуществу Россіи, постепенное возрастаніе котораго съ тѣхъ поръ составляло и доселѣ составляетъ предметъ зависти для сосѣдственныхъ съ Россіею государствъ. Но что же, спрашиваемъ, развѣ и все это опять дѣлалось и дѣлается независимо отъ православной вѣры и церкви? Отнюдь нѣтъ. Можно даже прямо сказать, что не было бы ничего этого, еслибъ не было вѣры православной, въ лонѣ матери-церкви воспитывавшей и утверждавшей Россію. Въ самомъ дѣлѣ, не силою ли вѣры православной Россія окрѣпла и усилилась до страшнаго врагамъ ея могущества и подъ самодержавною властію царей и императоровъ изъ дома Романовыхъ? Не силою ли этой вѣры побѣждала она и поляковъ, и шведовъ, и турокъ и французовъ и другихъ недруговъ православія, Царя-батюшки и своей родины-отечества за это время? Не въ сознаніи ли единства по вѣрѣ и крови вела и ведетъ она вѣковую борьбу не только съ турками-магометанами, но и христіанскими народами инославныхъ исповѣданій за свободу православныхъ христіанъ изъ грековъ и славянъ на востокѣ? „За вѣру, Царя и отечество“—стало національнымъ лозунгомъ для русскихъ во всѣхъ этихъ войнахъ. Равно также если мы обратимъ вниманіе и на дальнѣйшее развитіе гражданственности и просвѣщенія Россіи изъ данныхъ въ началѣ ея государственной жизни основъ, то должны будемъ признать, что православная вѣра занимала здѣсь далеко не послѣднее мѣсто въ числѣ двигателей той и другаго. Ограждансствованіе постоянно опиралось на церковныхъ началахъ, ими поддерживалось и было въ связи съ ними. Ни одно почти гражданское дѣло не начиналось безъ молитвы, благословенія и освященія церкви, ни одно зданіе не начинаемо было по-

стройкою безъ благословенія церковнаго, храмы Божіи воздвигались съ большимъ усердіемъ, нежели простыя жилища и послѣднія уподоблялись храмамъ по наполненію ихъ святынею. А въ отношеніи къ просвѣщенію кто какъ не церковь и православная вѣра воспитывала Русскихъ съ самыхъ временъ Ярослава? Въ удѣльный періодъ князья русскіе, занятые междоусобными и внѣшними войнами, не имѣли времени, возможности, да и охоты заводить училища, а другіе свѣтскіе люди и тѣмъ еще менѣе могли это дѣлать. Вся тяжесть дѣла просвѣщенія лежала на пастыряхъ церкви, которымъ это дѣло было „поручено Богомъ“. Они одни поддерживали существовавшія и заводили новыя училища, они же почти исключительно были и учителями народа и во всякомъ случаѣ руководителями дѣла просвѣщенія, когда имъ ближе всего завѣдывали такъ называемые „мастера“ грамотности или монастырскіе келейники и келейницы, они поощряли чтеніе книгъ Божественныхъ и руководили этимъ дѣломъ и т. д. Все это, само собою разумѣется, давало просвѣщенію характеръ чисто церковный. Монгольское иго не только еще менѣе давало возможности свѣтскому правительству заниматься дѣломъ просвѣщенія народнаго. но и у самаго духовенства отнимало много времени и средствъ для завѣдыванія этимъ дѣломъ. Не напрасны были жалобы не только архіепископа Новгородскаго Геннадія, жившаго въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, когда Россія едва только освободилась отъ монгольскаго ига. но и собора бывшаго въ 1551 году (Стоглаваго), слѣдовательно уже при достаточномъ укрѣпленіи политическаго бытія Россіи послѣ освобожденія изъ подъ ига, на недостатокъ самаго элементарнаго образованія въ народѣ для замѣщенія хотя бы священно-и церковнослужительскихъ должностей. А за тѣмъ настали смутныя времена междуцарствія. Только уже по окончаніи этого бѣдственнаго времени и свѣтское правительство мало по малу стало заботиться о народномъ образованіи и заводить училища, въ сознаніи необходимости этого дѣла. о которой давно говорили и постоянно твердили православные пастыри и учители церкви и о которой, вызванный для суда надъ патріархомъ Никономъ митрополитъ Газскій Паисій Лигаридъ

сказалъ прямо царю Алексію Михайловичу: „если бы у меня спросили, какіе столпы церкви и государства?—я бы отвѣчалъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ третьихъ училища; ибо отъ нихъ, аки отъ источниковъ, благополучіе народное искапаетъ“ (*С. К. Смирнова*, Ист. Моск. сл.-гр.-лат. акад., стр. 6). Но не только все предшествовавшее появленію этихъ училищъ образованіе было духовное, носило исключительно церковный характеръ, а и самыя эти училища, какъ южно-и западно-русскія, такъ и Московскія, были также духовныя и съ церковнымъ характеромъ. Петръ Великій, съ котораго начали свое существованіе свѣтскія школы, засталъ также одни духовныя училища. Подтвержденіемъ этого служатъ какъ учебники и учебныя пособія, такъ и произведенія письменности того времени. Да и со временъ Петра до начала настоящаго столѣтія самое начальное свѣтское образованіе, съ одной стороны, опиралось также въ общемъ на основахъ вѣры, по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ правительства, а съ другой касалось лишь незначительной части многомилліоннаго русскаго народа, именно, какъ и слѣдовало ожидать, высшихъ и среднихъ классовъ его. Для низшихъ же классовъ народа, а равно и для большинства остальныхъ классовъ его не только во все это время, но и съ началомъ нынѣшняго столѣтія, т. е. съ учрежденіемъ министерствъ и между прочимъ министерства народнаго просвѣщенія, учредившаго для низшихъ классовъ народа *приходскія школы*, до самаго конца 1000-лѣтія государственной жизни Россіи училищами по прежнему были храмы Божіи и иноческія обители съ школами при нихъ, учителями—пастыри церкви, учебниками—псалтирь, часословъ или буквари, въ церковномъ духѣ составленные, а книгами для чтенія—„Божественныя“ книги, къ „почитанью“ которыхъ издавна привыкъ народъ, въ которыхъ любилъ онъ почерпать для себя просвѣщеніе уму-разуму, укрѣпленіе волѣ, утѣшеніе—сердцу, какъ въ радостныхъ, такъ и въ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни своей, равно какъ и жизни отечества.

Итакъ подлинно православная вѣра „паче всего“, какъ говорилъ приснопамятный святитель Московскій Филаретъ,

способствовала ограждапствованію, просвѣщенію и благоденствію Россіи, утвержденію въ ней спасительнаго единодержавія. охраненію, усиленію и сплоченію ея народности во всѣ вышеозначенные главнѣйшіе моменты исторіи русскаго народа и вообще въ теченіе всего тысячелѣтія государственной жизни Россіи. Она по преимуществу сдѣлала то, что православіе, самодержавіе и народность стали такимъ образомъ коренными основами, твердыми началами этой жизни. Кто же былъ посредникомъ всѣхъ этихъ благодѣяній вѣры? Кто былъ хранителемъ, носителемъ и проповѣдникомъ ея? Кто былъ проводникомъ истинъ ея въ сознаніе русскихъ людей? Кто впушалъ, развивалъ. утверждалъ и охранялъ выработанныя подъ сѣнію ея сейчасъ упомянутыя начала русской государственной жизни: православіе, самодержавіе и народность? Отвѣтъ прямо вытекаетъ изъ всего предшествующаго:—Церковь русская, въ лицѣ ея предстоятелей и представителей, къ какому бы сословію ни принадлежали они по своему происхожденію, т. е. въ лицѣ ея пастырей и учителей, научавшихъ всему этому россіянъ съ помощію тѣхъ просвѣтительныхъ средствъ, которыя положены были въ основу жизни христіанскихъ государствъ и обществъ самимъ Христомъ и Апостолами въ св. писаніи и дальнѣйше раскрыты Церковію въ ея правилахъ, въ писаніяхъ св. отцевъ и учителей ея, въ богослужебныхъ и другихъ церковныхъ книгахъ,—средствъ, которыя ни у кого изъ другихъ учителей, кромѣ пастырей церкви, не могутъ имѣться и не имѣются въ такомъ обиліи, которыя въ свое время изъ Греціи перенесены были и къ намъ въ Россію и которыми съ столь великою для благоденствія государства и общества пользою питались Россіяне во все почти 1000-лѣтіе своей государственной жизни. „Со времени принятія христіанства,—писалъ святитель Московскій Филаретъ въ началѣ 1864 года,—и до настоящаго времени русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ духовенства. Духовный отецъ, испытывающій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ во храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ торжественныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и началь-

никъ сельскаго училища, и что духовенство оправдало свое призваніе наставленіемъ народа, тому доказательствомъ служитъ вся Русская исторія. Какія трудности перенесъ Русскій народъ! Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междуусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ Поляками, а потомъ Французами; онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностію своею послѣ объявленія ему положенія 19 февраля 1861 г. [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіи 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище-Церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ — духовенствомъ" (см. *Сушкова*, Зап. о жизни и врем. Филарета, стр. 178. Москва, 1868). Духовенство „утверждало въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской", а равно, по мѣрѣ возможности и нужды, „сообщало" ему и другія „первоначальныя полезныя знанія"; оно же возгрѣвало и поддерживало въ немъ любовь къ Царю и Отечеству. Вотъ по истинѣ громадная, исторически доказанная заслуга церковно-приходской школы въ ея *исконномъ типѣ*. Вотъ ея великое государственное значеніе, признанное исторіею и ея выдающимися дѣятелями [2]). И въ сознаніи этого-то значенія православной вѣры, съ ея вѣчно-неизмѣнною школою—Церковію и служителями ея—пастырями, великій учитель нашей отечественной Церкви, Московскій святитель Филаретъ, по истеченіи 1000-лѣтія государственной жизни Россіи, вслѣдъ за приведенными въ началѣ нашего настоящаго разсужденія словами, говорилъ въ рѣчи къ Государю Императору, которому Господь судилъ стать на границѣ совершившагося и наступившаго тысячелѣтія: „молимъ Царя вѣковъ, Бога, да споспѣшествуетъ Тебѣ во всемъ благомъ и полезномъ для Россіи, первѣе же

---

[1]) Старожилы помнятъ, что по объявленіи манифеста 19 февр. 1861 г. во весь этотъ день не было ни одного пьянаго изъ крестьянъ.

[2]) Кромѣ святителя Филарета, см. туже мысль въ запискѣ покойнаго *П. И. Гилярова-Платонова* „О начальномъ народномъ обученіи" (Прибл. къ тв. св. Отц. за 1862 г. XXI), въ „Запискѣ" *Т. И. Филиппова* „О начальныхъ училищахъ". (Спб. 1882) и др.

всего въ охраненіи и на грядущіе вѣки православной вѣры, охраняющей Россію“ (Сочин. Филар. V, 550).—Мудрый святитель уже давно видѣлъ тѣ, по выраженію его, „распутія“ въ направленіи народнаго просвѣщенія, на которыя и прежде того не рѣдко бросалась извѣстная часть русскаго общества подъ вліяніемъ чужеземныхъ ученій и на которыя въ то время, къ которому относится упомянутая сейчасъ рѣчь его, готова была и имѣла скоро броситься она подъ опьяняющимъ вліяніемъ всевозможныхъ преобразованій прошлаго царствованія. Еще въ 1838 году, по поводу предположенія объ открытіи начальной школы при Сергіевой Лаврѣ, онъ писалъ намѣстнику, архим. Антонію слѣдующее: „ученіе грамотѣ по церковнымъ книгамъ, безъ сомнѣнія, пришло къ намъ изъ Греціи. Думаю, и вездѣ въ христіанствѣ такъ было прежде. Жаль, что суетный вѣкъ не понялъ важности сего и сбился съ сего пути такъ, что теперь трудно возвратить отъ глупыхъ распутій тѣхъ, которые болѣе другихъ имѣютъ притязанія на просвѣщеніе“ (Письма Фил. къ Антонію I, 306. Москва, 1877). Подобнымъ же образомъ въ своемъ отчетѣ по Моск. епархіи за 1863 годъ святитель писалъ: „настоящее время представляется довольно благопріятнымъ для распространенія истиннаго просвѣщенія въ народѣ чрезъ умноженіе хорошо устроенныхъ училищъ сельскихъ. Народъ, по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, видитъ предъ собою открытыми разныя поприща общественной дѣятельности и болѣе прежняго признаетъ пользу грамотности и желаетъ умноженія школъ; свѣтское начальство симъ озабочено, но сія самая забота служитъ причиною новой заботы для начальства духовнаго; ибо есть основаніе опасаться, что свѣтское начальство такое устройство сообщитъ новымъ училищамъ, которое, по свѣтскому своему характеру, не будетъ благопріятно дѣйствовать на утвержденіе вѣры и нравственности въ народѣ. Предполагается образовать особыхъ свѣтскихъ наставниковъ, которымъ будутъ ввѣрены училища, а духовенство будетъ лишь приглашаемо, гдѣ заблагоразсудитъ свѣтское начальство, къ преподаванію закона Божія. Не говоря уже о томъ, что такія училища будутъ дорого стоить,

тогда какъ теперешнія училища, руководимыя и часто содержимыя духовенствомъ, почти ничего не стоютъ, наставниковъ, требуемыхъ въ великомъ числѣ, не легко избрать и приготовить, между тѣмъ какъ теперь въ священнослужителяхъ представляются люди готовые и свидѣтельствованные“ (*Сушкова*. Зап. о жизни и врем. Филар., стр. 177—178) Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ прошлому нашей исторіи просвѣщенія, начиная съ того времени, какъ начала свое существованіе школа *славянская*, т. е. со времени Петра Великаго, то не можемъ не видѣть тѣхъ уклоненій отъ прямаго, исконнаго пути просвѣщенія, которыя святитель Филаретъ не даромъ называетъ „глупыми распутіями“. Характерное выраженіе Не менѣе характерно для настоящаго случая и другое, вышеприведенное выраженіе святителя: «преобразовательный переломъ начала XVIII вѣка». Именно этотъ то «преобразовательный переломъ» и былъ, строго говоря, началомъ того раздвоенія въ просвѣщеніи Россіи, которое повело къ означеннымъ уклоненіямъ, „глупымъ распутіямъ“. — „Кто бы могъ подумать, братцы“,—говорилъ Петръ въ 1714 году, въ Ригѣ, осушая стаканъ вина на новоспущенномъ кораблѣ,—„кто бы могъ думать тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ?—Историки, прибавилъ онъ, полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но невѣжество нашихъ предковъ помѣшало имъ проникнуть далѣе Польши, хотя и поляки находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до сихъ поръ, и только благодаря безконечнымъ усиліямъ своихъ правителей могли они наконецъ открыть глаза и усвоить себѣ европейское знаніе, искусства и образъ жизни.—Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ сдается, что онѣ опять когда нибудь покинуть свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, что бы потомъ снова возвратиться на свою родину, въ Грецію“. Эти слова объясняютъ увлеченіе, съ которымъ дѣйствовалъ Петръ, и во многомъ

оправдываютъ его крайности. Любовь къ просвѣщенію была его страстью. Въ немъ одномъ видѣлъ онъ спасеніе для Россіи; [1]) а источникъ его видѣлъ въ одной Европѣ (*Кирѣевскій*, О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи (см., „Московскій Сборникъ“, т. 1. Москва, 1852). Слѣдуя западнымъ образцамъ, онъ хотѣлъ сдѣлать и въ Россіи тоже самое, что видѣлъ въ Европѣ. Въ своемъ разговорѣ съ патріархомъ Адріаномъ онъ выражалъ желаніе, чтобы „изъ школы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“ (*Устрялова*, Ист. царств. Петра В. III. 511—512). Здѣсь лежитъ начало школъ такъ называемыхъ архіерейскихъ, цифирныхъ и профессіональныхъ, съ ихъ принудительно—сословнымъ характеромъ, заведенныхъ Петромъ Великимъ въ Россіи. При этомъ характерно то, что тогда какъ такіе почтенные и опытные люди, каковы Посошковъ и Аврамовъ, совѣтовали Петру улучшить для сего лишь старыя школы, оставляя въ нихъ учительствовать по прежнему духовенство, и цѣлію обученія полагая, „умноженіе плода правды и искорененіе зла“ (Аврамовъ), Петръ рѣшительно отказался отъ старыхъ школъ и порвалъ съ ними всякую связь, слѣдуя вышеизложеннымъ соображеніямъ. Но что же изъ этого вышло? И 30 лѣтъ не просуществовали цифирныя и профессіональныя школы, тогда какъ школы архіерейскія процвѣтали, благодаря своей связи съ старыми школами, которыя вѣками установились. Но главное, за недостаткомъ или пренебреженіемъ роднаго, древлерусскаго, Россія наводнилась теперь учителями и воспитателями иностранцами, строй и характеръ воспитанія и просвѣщенія которыхъ былъ совершенно различенъ отъ древнерусскаго. Правда, чрезъ это произошло много и хорошаго, такъ какъ Россія сразу ставилась на ту степень просвѣщенія, на которой стояла въ то время далеко опередившая ее, въ силу болѣе благопріятныхъ политическихъ обстоятельствъ, Европа и до которой Россія сама по себѣ,

[1]) Срав. вышеприведенныя слова Паисія Лигарида.

быть можетъ, достигла бы лишь чрезъ нѣсколько столѣтій; да и вообще преемники Петра Великаго не успѣли бы сдѣлать столько въ пользу просвѣщенія Россіи, сколько сдѣлали, если бы Петромъ не подготовлено было для сего болѣе или менѣе твердой основы. Но все же въ этомъ направленіи дѣла просвѣщенія было больше дурнаго, нежели хорошаго. По почину Петра, въ умахъ русскихъ людей высшихъ и частію среднихъ классовъ стало укореняться убѣжденіе, что дотолѣ на Руси было одно невѣжество и варварство и что только на западѣ Европы источникъ истиннаго просвѣщенія, что по этому съ иностранцевъ, а не съ своихъ доморощенныхъ учителей мы должны брать въ этомъ отношеніи примѣръ, у первыхъ, а не у вторыхъ учиться и т. д. А такъ какъ наука на западѣ шла и идетъ прогрессивно впередъ, то и породилась мысль, что мы—русскіе должны быть вѣчными учениками иностранцевъ. Что же поэтому удивительнаго въ томъ, что до самаго начала настоящаго столѣтія (да и въ настоящемъ столѣтіи отчасти) не только Академія наукъ и Московскій Университетъ, но и частные пансіоны и частныя учебныя заведенія, даже всѣ болѣе или менѣе зажиточныя дворянскія семейства были полны, нерѣдко до излишества, иностранцами? Эти иностранцы, по большей части не только не знавшіе, но и по самопонятному чувству высокомѣрія и пренебреженія даже не желавшіе знать историческихъ основъ и преданій русскаго исконнаго просвѣщенія, конечно могли внушить своимъ питомцамъ и ученикамъ изъ русскихъ лишь тѣ мысли, убѣжденія и чувства, которыя проникали и наполняли ихъ собственное духовное существо. Мы не имѣемъ времени входить здѣсь въ подробности обсужденія вопроса о существенныхъ, характеристическихъ чертахъ западно—европейскаго просвѣщенія въ его историческомъ развитіи, равно какъ и въ его отличіи отъ просвѣщенія древне—русскаго. (Эти подробности можно читать хотя бы въ вышеупомянутой статьѣ Кирѣевскаго). Мы скажемъ лишь то, что чрезъ подчиненіе русскихъ вліянію западно—европейскаго просвѣщенія ученики мало по малу все болѣе и болѣе отторгались отъ воспитавшей ихъ предковъ матери—церкви, стали даже пренебрегать ею и ея

служителями, а съ тѣмъ вмѣстѣ отторглись и отъ завѣтовъ своихъ предковъ въ отношеніи къ понятіямъ государственнымъ и народнымъ, усвоя вмѣсто того западно-европейскій взглядъ на религію, церковь, государство и народность. Отсюда—то возможными оказались въ Россіи и протестантскія, и римско-католическія, и мистическія, и революціонныя и другія бредни, чуждыя духа древне-русскаго просвѣщенія. Отсюда-то многіе русскіе и съ добрыми въ сущности намѣреніями въ отношеніи къ просвѣщенію себя и другихъ, но воспитанные на началахъ отчужденія отъ всего древне-русскаго, и въ литературной, и въ политической и въ просвѣтительной собственно дѣятельности своей и по религіознымъ и по инымъ вопросамъ духа возвращались и возвращаются къ намъ, обремененные чужою ношею, въ видѣ ли болѣе или менѣе тонкаго иновѣрія или въ видѣ тѣхъ или другихъ чужеземныхъ доктринъ. И это такъ сильно въѣлось, если можно такъ выразиться, въ извѣстную часть нашего общества (такъ называемую интеллигенцію), что даже и возникшія во второй четверти нынѣшняго столѣтія стремленія къ возвращенію древне-русскихъ началъ просвѣщенія (между прочимъ въ такъ называемомъ славянофильствѣ) не могли доселѣ излѣчить вполнѣ, оздоровить самосознаніе нашей русской интеллигенціи. Примѣры этого, не говоря о многихъ случаяхъ прямаго обращенія русскихъ въ латинство или протестантизмъ въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ (Свѣчина, кн. Гагаринъ, Голицынъ и др.), можно было бы привести въ изумительно большомъ числѣ изъ обоихъ столѣтій и независимо отъ того. Мистицизмъ, масонство и пр. въ прошедшемъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; религіозныя заблужденія Пашкова, гр. Льва Толстаго и другихъ въ наше время; либерализмъ политическій, различныя чужеземныя, не рѣдко сумазбродныя педагогическія утопіи и т. д въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи, забиравшіяся по временамъ и на правительственную лѣствицу,—не служитъ ли все это и подобное яснымъ подтвержденіемъ разсматриваемаго нами раздвоенія въ просвѣщеніи русскаго народа со временъ Петра Великаго? Обратимся къ ближайшему намъ дѣлу начальнаго народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ какъ самъ Петръ, внося западно-

европейское образованіе въ Россію, въ своихъ законоположеніяхъ по этому дѣлу о крестьянскомъ сословіи,—къ счастью для Россіи,—даже и не упоминаетъ или, если и упоминаетъ, то запретительно, воспитанные на положенныхъ имъ началахъ вздумали просвѣщать и массу крестьянства, конечно, по своему и съ возможнымъ устраненіемъ прежнихъ учителей,—духовенства. Уже относительно городскихъ училищъ въ царствованіе Екатерины II (1782—1786) историкъ ихъ, графъ Д. А. Толстой, отмѣтилъ, какъ существенный недостатокъ ихъ, „совершенное устраненіе духовенства отъ религіозно—нравственнаго образованія народа (Истор. Вѣстн. 1887 № 6, стр. 690). А какое сами новые просвѣтители давали образованіе народу, это видно, не говоря о многомъ другомъ, уже изъ законоположеній по начальному народному образованію, изданныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ учрежденіемъ министерствъ и открытіемъ ихъ дѣйствій. Помимо добрыхъ и вполнѣ цѣлесообразныхъ сторонъ этихъ законоположеній, утвердившихъ право существованія „приходскихъ училищъ“ съ священникомъ во главѣ, уже и здѣсь между учебными пособіями упоминается „краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья“ (пунктъ 132. См. въ I томѣ „Сборника постановленій по минист. нар. просв.“ стр. 332. Спб. 1864), такъ какъ и цѣлію этихъ училищъ полагается не утвержденіе вѣры православной и нравственности христіанской, а слѣдующее: „1, чтобы пріуготовить юношество для уѣздныхъ училищъ, если родители пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ продолжали въ оныхъ ученіе; 2) чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія, предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію (тамъ же, п. 119 стр. 330). Очевидно уже и тогда имѣли силу тѣ педагогическія утопіи, имѣвшія въ виду съ одной стороны едва не подготовить крестьянъ къ университетскому образованію, а съ другой начинить умъ простаго нашего православнаго народа совершенно

ему не нужными, однакоже способными произвести въ немъ надменіе и возбудить другіе дурные инстинкты полупознаніями, которыя за послѣднее двадцатипятилѣтіе, благодаря „педагогическому колобродству барона Корфа и всей однородной съ нимъ плеяды нашихъ знаменитыхъ педагоговъ съ ихъ патентованными министерствомъ учебными руководствами“ (Русь, 1884 № 19), царили, да и доселѣ имѣютъ силу въ нашихъ народныхъ школахъ свѣтскаго вѣдомства. Къ счастію, эту „роскошь полупознаній“, какъ сказано въ Высочайшемъ манифестѣ 13 іюня 1826 года, въ силу этого самаго манифеста, устранилъ уставъ среднихъ и низшихъ школъ вѣдомства министерства народ. просвѣщенія, изданный въ 1828 году. Правда, и въ это болѣе трезвое время, т. е. въ тридцатилѣтіе царствованія императора Николая Павловича (1825—1855), бывали случаи, что представители министерства народнаго просвѣщенія „хотѣли духовенству приходскому запретить учить грамотѣ, если не выпроситъ кто позволенія отъ свѣтскаго начальства и не подчинитъ себя надзору директора училищъ,“ такъ что, „не безъ труда отражено сіе приражeніе“, по словамъ святителя московскаго Филарета (Письма къ Антонію I, 225; срав. другіе случаи подобнаго рода въ Чтен. въ общ. исторіи и древн. 1876: II, стр. 55—56 отд. „смѣсь“; — Душепол. Чтен. 1879: II, 127 и др.): однако въ сущности во все это время, даже и при открытіи въ 1842 г. училищъ вѣдомства Министерства Государственныхъ имуществъ, дѣло начальнаго народнаго образованія шло по прежнему. Но вотъ наступила пора реформъ прошлаго царствованія. Съ самаго вступленія на престолъ блаженной памяти императора Александра Николаевича поднялся вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о подъемѣ народнаго образованія въ большей противъ прежняго мѣрѣ. Толки о передачѣ начальной народной школы въ исключительное вѣдѣніе свѣтскаго управленія стали все слышнѣе и слышнѣе. Разныхъ проектовъ по этому дѣлу писалось множество. Для обсужденія всего добытаго путемъ разносторонняго изслѣдованія вопроса о начальномъ народномъ образованіи учрежденъ быть особый центральный въ Петербургѣ коми-

тетъ. О дѣйствіяхъ этого комитета мы имѣемъ краткую, но по обычаю сильную замѣтку святителя московскаго Филарета, нѣкогда имѣвшаго возможность „отражать приражепія“ свѣтскаго вѣдомства, а теперь уже не имѣвшаго силъ бороться такъ же успѣшно съ стремительнымъ напоромъ потоковъ времени. „Былъ комитетъ о сельскихъ училищахъ,—читаемъ въ его письмѣ къ намѣстнику Лавры Антонію отъ 5 февр. 1862 года,—и полагалъ, чтобы они были свѣтскія. Одинъ членъ его, князь Урусовъ, подалъ мнѣніе, что надобно сіе поручить духовенству. Говорятъ, что его мнѣніе доведено было до свѣдѣнія Государя, и одобрено. Но пришелъ новый министръ просвѣщенія [1]): и, говорятъ, уже рѣшено, чтобы сельскія училища были свѣтскія, и назначенъ на нихъ милліонъ рублей. Намъ оказана одна милость: не запрещено священникамъ сохранить свои училища, безъ всякой имъ помощи (Письма къ Ант. IV, 332 - 333. М. 1884). Это было какъ разъ предъ временемъ празднованія 1000-лѣтія Россіи. При этомъ невольно припоминаются слова того же святителя, приведенныя нами выше и относящіяся къ началу 1864 года, въ которыхъ онъ, уже имѣя въ виду передачу сельскихъ училищъ въ свѣтское вѣдомство, выражается такъ: „есть основаніе опасаться, что свѣтское начальство такое устройство сообщитъ новымъ училищамъ, которое, по свѣтскому своему характеру, не будетъ благопріятно дѣйствовать на утвержденіе вѣры и нравственности въ народѣ“. И подлинно такъ случилось. Опасенія прозорливаго старца — святителя сбылись. Одинъ изъ сторонниковъ мысли о передачѣ начальныхъ народныхъ училищъ изъ духовнаго въ свѣтское вѣдомство о самомъ фактѣ этой передачи, совершившемся послѣ учрежденія земствъ (въ 1864 г.) и другихъ самоуправляющихся единицъ, высказался недавно такъ: „новая заря засіяла надъ Петербургскою школою лишь съ того времени, когда приходскія училища были, наконецъ, переданы въ вѣдѣніе столичной думы“ (см. *Семенова* въ „Рус. Стар.“ за 1887 г. № 9, стр. 690). Мы не раздѣляемъ такихъ свѣтлыхъ надеждъ, такихъ воззрѣній на дѣло этой передачи. Мы, на-

---

[1]) А. В. Головнинъ.

оборотъ, видимъ въ ней какъ бы закатъ солнца, сіявшаго въ теченіи цѣлаго почти 1000-лѣтія надъ Россіею въ ея народномъ просвѣщеніи. И какъ въ началѣ перваго 1000-лѣтія государственной жизни Россіи надъ умами сыновъ ея носилась тьма невѣжества до просвѣщенія ея свѣтомъ вѣры, такъ и въ началѣ втораго 1000-лѣтія тойже ея жизни на горизонтѣ ея появилась тьма, въ гораздо большей по сравненію съ прежнимъ мѣрѣ покрывшая умы многихъ сыновъ ея. „Мы дожили,—писалъ въ томъ же 1862 году святитель московскій Филаретъ,—до какого-то туманнаго времени. Мгла покрываетъ умы. Въ однихъ видишь неожиданное, въ другихъ не видишь ожидаемаго“ (Письма Ф. къ А. Н. Муравьеву, стр. 597. Кіевъ, 1869). „Чрезмѣрно размноженныя свѣтскія повременныя изданія, писалъ онъ же оффиціально въ началѣ 1864 года, характеризуя плоды современнаго ему свѣтскаго просвѣщенія усильно распространяемыя въ народѣ, не благопріятно дѣйствуютъ даже тѣмъ, что возбуждаютъ и питаютъ не столько истинную любознательность, сколько безплодное любопытство; даютъ много чтенія пріятнаго и занимательнаго, но мало назидательнаго, доставляютъ познанія отрывочныя, смѣшанныя, сбивчивыя, но съ тѣмъ вмѣстѣ поглощаютъ вниманіе и время, отвлекаютъ отъ чтенія книгъ основательныхъ, дѣлаютъ умы поверхностными и лѣнивыми для глубокихъ размышленій о важнѣйшихъ предметахъ знанія. Такое направленіе литературы вредно для религіозной, нравственной и гражданской жизни обществъ; но зло происходящее отъ современной литературы на этомъ не останавливается. Въ литературныхъ произведеніяхъ и легкаго и серіознаго содержанія, даже представляемыхъ въ учебное руководство юношеству, Божественное откровеніе подвергается сомнѣнію, священныя преданія унижаются до сравненія съ баснями, правила христіанской нравственности и установленія церковныя не уважаются, усиліе дать основаніе невѣрію въ чудеса доходитъ до того, что проповѣдуются баснословныя ученыя нелѣпости, какъ напримѣръ въ переведенной книгѣ Циммермана [1]) утверждается, будто скинія свидѣнія была не иное

---

[1]) „Объ электричествѣ и магнитизмѣ“. Перев. съ нѣм. Спб. 1862.

что какъ большая электрическая машина [1])" (*Пушкова*, Зап. о жизни и врем. Филар. стр. 174 - 175). Вмѣстѣ съ тѣмъ и по связи съ тѣмъ имѣвшія ближайшее отношеніе къ бывшему тогда животрепещущимъ вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости „повсюдныя, неумолкныя не столько разсужденія, сколько не обдуманныя и неопредѣленныя провозглашенія о свободѣ оказали, — какъ писалъ тотъ же святитель еще въ 1860 году,— такое вліяніе на обучающихся въ свѣтскихъ училищахъ, что наставляемые присвояютъ себѣ права быть свободнѣе своихъ наставниковъ и полномочнѣе начальниковъ; и сіе не разъ и не въ одномъ мѣстѣ открывалось въ дѣйствіяхъ, о которыхъ не пріятно было бы, но и не нужно говорить, потому что, къ сожалѣнію, оныя очень извѣстны [2]). Новѣйшая литература, которая порицаетъ все, и въ томъ числѣ и училища, и учителей, и учебныя книги, и уставы, и распоряженія, и распорядителей, и начальниковъ, и судей, получила такое распространеніе, что проникаетъ всюду, если не въ двери, то чрезъ преграды и сквозь щели" (Собр. мнѣній и отзывовъ Филар. т. IV, стр, 575. Москва, 1886). Это ли не мгла? Это ли не тьма духовная? Это ли не гнилые плоды гнилаго западнаго міра? Невольно при этомъ въ душѣ благомыслящихъ людей возникала мысль о сопоставленіи духа того времени съ духомъ времени конца XVIII столѣтія, столь печальнаго въ жизни европейскаго общества, служившей образцомъ для подражанія извѣстной части русскаго общества. „Видъ литературы въ настоящее время,—писалъ еще въ 1857 г. святитель Филаретъ,—предлагаетъ проницательному начальству вопросъ: нѣтъ ли соумышленія, которое старается все уважаемое въ обществѣ привести въ презрѣніе и поколебать убѣжденія вѣры и нравственности, чтобы легче превратить все въ демократическій хаосъ"? (Тамъ же, стр. 296). „Печальное зрѣлище представляетъ, и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ, – писалъ онъ затѣмъ въ 1860 г.,—по-

---

[1]) См. опроверженіе этого мнѣнія въ Приб. къ тв. св. отц. за 1862 г. ч. XXI.

[2]) Святитель разумѣетъ при этомъ студенческія волненія въ университетахъ, а равно и подобныя же волненія въ гимназіяхъ.

рицательная и кощунственная литература, столько же, если не болѣе, необузданная и распространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ [1]) прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительною. Званія, должности, лица, — все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразіи до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы". (Тамъ же, стр. 513). Между прочимъ и разрушеніе духовенства, — какъ писалъ тотъ же святитель въ 1862 году,—было одною изъ цѣлей дѣйствованія подземныхъ людей (Письма Ф. къ Ант. IV, 351). — Почему?— Понятно; потому что оно, съ своею многовѣковою просвѣтительною миссіею, съ своими „Божественными книгами", столь не похожими на свѣтскія, стояло поперекъ дороги вожакамъ разрушительнаго направленія, насквозь пропитаннымъ западно европейскими идеями и вліяніемъ. Но тогдашнее внушало еще большія опасенія на счетъ будущаго. Имѣвшее отношеніе къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости широкое развитіе и примѣненіе къ жизни всѣхъ сословій начала самоуправленія давало вожакамъ и сторонникамъ разрушительнаго (отрицательнаго, нигилистическаго) направленія широкій просторъ къ тому, чтобы совершать свое „хожденіе" и въ простой народъ для посѣва и въ немъ своихъ плевелъ. Эти вожаки знали хорошо, что крестьяне взрослые, вѣковымъ ученіемъ и воспитаніемъ въ лонѣ Церкви, настроены далеко не въ пользу ихъ и идей ихнихъ и что по этому съ ними справиться было не возможно. Тогда они взялись за молодое поколѣніе крестьянства, за его перевоспитаніе въ духѣ своихъ идей, за народную школу. „Когда взята будетъ школа, — писалъ одинъ изъ нихъ (Писаревъ), — тогда побѣда будетъ упрочена, тараканъ будетъ пойманъ" (Моск. Вѣдом. 1884 г. № 347). И они не ошибались. Относительно земства и другихъ самоуправляющихся единицъ, которымъ ввѣрялось между прочимъ народное образованіе, они были увѣрены, что не встрѣтятъ въ нихъ препятствія исполненію своихъ по истинѣ гибельныхъ плановъ. Всѣ эти самоуправляющіяся единицы, по разношерстному и

---

1) Т. е. во Франціи.

многочисленному составу своему, представляли собою мутную воду, въ которой имъ удобно было ловить рыбу. Дворянство, въ большинствѣ своемъ воспитанное также по западнымъ образцамъ, а иногда прямо иностраннаго происхожденія,— они это хорошо знали,—если не сочувственно отнесется къ ихъ дѣятельности, то въ общемъ не обнаружитъ и сильнаго противодѣйствія. Лицъ же, занимавшихъ правительственныя должности, они запугивали такъ называемымъ „общественнымъ мнѣніемъ". образчики котораго можно было видѣть въ вышеприведенной, начертанной рукою святителя Московскаго Филарета, характеристикѣ повременной литературы. Этимъ же способомъ производили они давленіе и на лица, стоявшія ближе другихъ къ Престолу Царскому, вліяли на перемѣны въ свѣтской правительственной іерархіи, на редакцію тѣхъ или другихъ законоположеній и т. д. Подъ такимъ въ значительной степени вліяніемъ послѣдовали напр. законоположенія о земскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, о разширеніи правъ самоуправленія (децентрализація власти) и т. д. Подъ такимъ же отчасти вліяніемъ изданы были и положенія о начальномъ народномъ образованіи какъ въ 1864 году, такъ и въ 1874 году. Если въ 1864 году, когда еще живъ былъ великій святитель Московскій Филаретъ, мнѣнія котораго въ нѣкоторой мѣрѣ принимаемы были въ разсчетъ при составленіи тогдашнихъ положеній о начальныхъ народныхъ училищахъ. духовенство уже въ значительной мѣрѣ оттиралось отъ этихъ школъ съ предоставленіемъ большаго участія земству и вообще свѣтскимъ властямъ: то въ 1874 году, когда святителя Филарета уже не было въ живыхъ, еще болѣе отстраняемо было духовенство отъ участія въ этомъ своемъ важномъ и вѣковомъ дѣлѣ. Мѣсто духовенства въ наблюденіи за школами и за направленіемъ ученія въ нихъ заняли члены отъ земства и представители дворянства, мѣсто того же духовенства въ веденіи самаго школьнаго дѣла заняли во многихъ мѣстахъ стриженыя особы женскаго пола и не стриженыя, но за то не чесаныя особы мужскаго пола, относившіяся обыкновенно, если не враждебно, то съ презрѣніемъ къ церкви, ея служителямъ и къ церковнымъ книгамъ (главнымъ образомъ къ Часослову и Псалтири), по которымъ

издавна учился грамотѣ русскій народъ во всѣхъ его слояхъ. Въ связи съ тѣмъ и въ силу того церковно-приходскія школы, которыхъ число къ 1864 году возросло было до 20 слишкомъ тысячъ съ 400 тысячъ слишкомъ учащихся въ нихъ, съ 1865 года стали уменьшаться въ своемъ числѣ съ поразительною быстротою, или же обращаемы были въ земскія и министерскія. Духовенство приглашаемо было только къ преподаванію Закона Божія, да и то тамъ, „гдѣ заблагоразсудитъ свѣтское начальство“, по выраженію святителя Филарета. А то такъ и Законъ Божій поручаемъ былъ свѣтскимъ учителямъ. Наконецъ въ печати такіе педагоги, какъ покойный баронъ Корфъ, ставили на карту даже такой вопросъ: „быть или не быть Закону Божію въ народной школѣ?“ (газета „Земство“ за 1882 г.). Вотъ до чего дошло дѣло. Это ли не мгла? Это ли не тьма духовная? Это ли не отголосокъ того, что недавно было слышно изъ одной страны западнаго міра. По основнымъ законамъ Государства Россійскаго, „Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, яко христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“ (Сводъ Закон. т. I осн. зак. ст. 42). Въ виду этого-то великій святитель Московскій Филаретъ, какъ мы помнимъ, въ рѣчи къ Государю Императору Александру Николаевичу и говорилъ: „молимъ Царя вѣковъ, Бога, да споспѣшествуетъ Тебѣ во всемъ благомъ и полезномъ для Россіи, первѣе же всего въ охраненіи и на грядущіе вѣки православной вѣры, охраняющей Россію“. Твердо памятуя завѣты своихъ предковъ и какъ бы вполнѣ сочувственно отзываясь на это молитвенное благожеланіе маститаго старца-святителя, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, въ рескриптѣ своемъ отъ 25 декабря 1873 года на имя министра народнаго просвѣщенія высказывалъ слѣдующія знаменательныя и достопамятныя слова: „Я надѣюсь, что значительное размноженіе народныхъ училищъ распространитъ въ населеніяхъ, вмѣстѣ съ грамотностію, *ясное разумѣніе Божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга.* Но достиженіе цѣли, для блага народа

столь важной, надлежитъ предусмотрительно обезпечить. То, что въ предначертаніяхъ Моихъ должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ орудіе *растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки*, и отклонить его отъ тѣхъ *стремленій, коихъ сѣмя въ теченіи вѣковъ, собиралось, крѣпло и возвеличивало Россію*.—Какъ лицо, призванное Моимъ довѣріемъ къ осуществленію Моихъ предначертаній по части народнаго просвѣщенія, вы усугубите всегда отличавшее васъ рвеніе къ тому, чтобы положенныя въ основу общественнаго воспитанія начала вѣры, нравственности, гражданскаго долга и основательность ученія, были ограждены и обезпечены отъ всякаго колебанія. Согласно съ симъ, Я вмѣняю въ непремѣнную обязанность и всѣмъ другимъ вѣдомствамъ оказывать вамъ въ семъ дѣлѣ полное содѣйствіе. — Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможетъ оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній. Возлагая на него и въ семъ дѣлѣ Мое довѣріе, Я повелѣваю вамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію“ (Моск. Вѣдом. 1873 г. № 327). Какъ ясно и вѣрно указаны въ этомъ рескриптѣ коренныя основы народнаго образованія! Какъ ясно указана и мѣра участія тѣхъ или другихъ сословій страны въ этомъ

образованіи! Справедливо сказано по поводу этого Высочайшаго рескрипта въ передовой статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* за 1874 г. № 9: „Слово Монарха упомянуло о духовенствѣ прежде чѣмъ коснулось дворянства; но не было надобности призывать духовенство къ ближайшему наблюденію за народною школой. Духовенство уже призвано къ этому дѣлу властію не отъ міра сего. Учительство есть неотъемлемая принадлежность Церкви, и народное просвѣщеніе не можетъ оставаться дѣломъ ей чуждымъ. Ея предстоятели и служители призваны не только къ охранительному и внѣшнему, но къ внутреннему и дѣятельному въ ней участію. Имъ предлежитъ не только быть на стражѣ народной школы, но и дѣйствовать въ ней. Одною изъ главныхъ задачъ, при дальнѣйшемъ развитіи нашей народной школы, должно быть приведеніе ея въ болѣе плодотворную связь *съ церковными учрежденіями*". Такъ нужно было понимать приведенныя слова Высочайшаго рескрипта и такъ понимали ихъ истинно русскіе люди. Но не такъ поняли и захотѣли истолковать ихъ люди, воспитанные на чужеземныхъ началахъ и ученіяхъ о самоуправленіяхъ въ ихъ различныхъ видахъ, о клерикализмѣ и прочихъ нелѣпостяхъ западнаго гнилаго міра. Чтобы не увеличивать объема нашего настоящаго разсужденія балластомъ отзывовъ такъ называемаго „общественнаго мнѣнія", сказавшагося особенно въ періодическихъ изданіяхъ западническаго направленія, мы укажемъ лишь на существенно необходимое послѣдствіе того рескрипта—на самое законоположеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, изданное менѣе нежели чрезъ полгода послѣ объявленія словъ этого рескрипта, именно 25 мая 1874 года. При этомъ опять приходится сказать вмѣстѣ съ святителемъ Московскимъ о томъ, что въ редакціи законоположенія оказалось нѣчто не ожиданное и не оказалось ожидаемаго: стоявшему во главѣ всего рескрипта, т. е. „ясному разумѣнію Божественныхъ истинъ ученія Христова съ живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ нравственнаго и гражданскаго долга", дано мѣсто въ туманной дали; а то, что стояло въ концѣ рескрипта т. е. рѣчь объ участіи дворянства и другихъ просвѣщенныхъ людей страны въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія, постав-

лено въ основу всего законоположенія и проникаетъ всѣ части его. По связи съ этимъ духовенство, о которомъ „слово Монарха упомянуло прежде, чѣмъ коснулось дворянства", въ законоположеніяхъ отодвинуто еще далѣе на задній планъ, какъ мы замѣтили выше, нежели въ законоположеніяхъ 1864 года, и за то, на оборотъ, дворянству и представителямъ безсословныхъ самоуправляющихся единицъ предоставлено не только „охранительное и внѣшнее" (хозяйственное напр.), но и нѣкоторымъ образомъ „внутреннее и дѣятельное" участіе въ означенномъ дѣлѣ; связь народной школы „съ церковными учрежденіями" не только сдѣлана „болѣе плодотворною", но и едва не совсѣмъ порвана и т. д. Подтвержденіе всего этого фактами собраніемъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія отчасти выслушано было уже года два съ половиною тому назадъ [1]). Теперь мы обратимъ вниманіе общества на нѣкоторыя другія стороны дѣла и раскроемъ дальнѣйшій ходъ и положеніе самаго дѣла, важность котораго не подлежала и не подлежитъ сомнѣнію. Мы спрашиваемъ: можно ли было ожидать много добраго отъ такой постановки дѣла начальнаго народнаго образованія? Кто, вмѣсто духовенства, сталъ имѣть ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ? Кто становился во главѣ народной школы въ качествѣ учителя и руководителя ея?—По большей части люди, такъ называемые передовые, т. е насквозь пропитанные чужеземными взглядами и ученіями (а нерѣдко и прямо иностранцы и по имени и происхожденію), часто исполненные дешеваго либерализма, а иногда и даже прямо нигилисты по образу мыслей, каковы напр., были нѣкоторые учители и учительницы, какъ то не скрываетъ и Высочайшій рескриптъ отъ 25 дек. 1873 года и самыя законоположенія 1864-го (ст. 24 п. 7) и 1874-го (ст. 11) годовъ. При этомъ „свѣтѣ" народнаго просвѣщенія, какъ очевидно, „таракана" ловить было очень удобно [2]). Цѣль вожаковъ нигилизма была легко

---

[1]) См. нашу статью—рѣчь въ №№ 5—6 „Чтеній въ общ. люб. дух. просв. за 1885 годъ.

[2]) Оказывается напр., что по словамъ педагога Семенова „новая заря-то засіяла надъ Петербургскими городскими училищами" послѣ передачи при-

достижима. Въ самомъ дѣлѣ, мы не упоминаемъ уже разныхъ либеральныхъ представителей или сторонниковъ мысли о безсословности, которые наполняли собою земскія собранія, городскія и иныя самоуправляющіяся учрежденія и, какъ передовые люди, кричали тамъ больше всѣхъ, заглушая голоса тѣхъ, которыхъ они же называли отсталыми, рутинерами и т. п. кличками; не говоримъ также о стриженыхъ и нестриженыхъ особахъ обоего пола, руководившихъ школою народною, бросавшихъ грязью въ приходское духовенство и не подпускавшихъ его къ школѣ, водившихъ дѣтей-учениковъ и учениць въ праздничные дни, вмѣсто церкви, въ поля и луга для открытія имъ тайнъ „міровѣдѣнія", пичкавшихъ ихъ, вмѣсто Божественнаго ученія, побасенками, поговорками и прибаутками, а вмѣсто церковнаго пѣнія, плясовыми и другими пѣсенками и под. Не говоримъ обо всѣхъ этихъ, которые если и выходили отъ насъ, то не были отъ насъ; а обратимъ вниманіе даже на самое дворянство въ значительномъ числѣ его представителей не только инославныхъ, но и православнаго по имени вѣроисповѣданія христіанскаго и вообще на высшіе классы нашей страны. Доблестное на службѣ царю и отечеству въ дѣлѣ ратномъ, гражданскомъ и т. д., вообще достопочтенное во многихъ другихъ отношеніяхъ, даже дворянство, говоримъ,—не было (исторически), да и не могло быть достаточнымъ замѣнителемъ духовенства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія въ искомомъ направленіи сего послѣдняго. Въ старину оно всегда только училось у духовенства и за это отплачивало ему матеріально, „давало", по примѣру Ярослава, „отъ имѣнія своего урокъ", но само не учило народъ даже и тогда, когда, помимо ли или съ помощію духовенства, получало высшія свѣдѣнія въ свѣтскихъ наукахъ. Съ Петра Великаго положеніе измѣняется. Между тѣмъ какъ духовенство мало по малу различными способами принижается и ограничивается какъ въ матеріальномъ обезпеченіи, такъ и въ своей дѣя-

---

ходскихъ училищъ въ вѣдѣніе города, благодаря предложенію объ этой передачѣ, сдѣланному въ Думѣ такимъ свѣтильникомъ просвѣщенія, какъ гласный А. А. Краевскій, извѣстный издатель „Отечественныхъ Записокъ" и „Голоса". См. „Русск. Старина" 1887 № 9, стр. 692.

тельности, дворянство, теперь все болѣе и болѣе пополняемое въ своемъ составѣ многими иностранцами, принимавшими русское подданство, также мало по малу, хотя по большей части и насильственно въ началѣ, возвышаясь въ степени своего образованія, получаетъ и разширеніе своихъ правъ, утвержденныхъ потомъ жалованною грамотою 1785 года. Между прочимъ такое направленіе внутренней политики русскаго правительства видно и въ интересующемъ насъ дѣлѣ народнаго образованія, какъ то отчасти мы уже видѣли выше: духовенство все мало по малу оттиралось отъ этого дѣла, а дворянству давались все болѣе и болѣе широкія въ немъ права. Но измѣнилось ли положеніе дѣла по существу?— Нисколько или очень мало. Дворянство не только въ прошедшемъ, но даже и въ нынѣшнемъ столѣтіи, за немногочисленными счастливыми и отрадными исключеніями,—которыя, конечно. не могутъ итти въ общее правило,—могло вполнѣ сочувствовать,—и сочувствовало,—могло различнымъ образомъ содѣйствовать, и подлинно содѣйствовало народному просвѣщенію,—его заслугъ по этому важному дѣлу никогда не забудетъ Россія;—но не могло настоящимъ образомъ и во всѣхъ отношеніяхъ просвѣщать простой народъ, руководить его просвѣщеніемъ, вообще замѣнить для послѣдняго въ этомъ отношеніи духовенство. Оно въ общемъ не имѣло для сего прочныхъ основъ въ своемъ воспитаніи, о характерѣ котораго мы уже знаемъ изъ вышесказаннаго. При такомъ воспитаніи (по иностраннымъ началамъ и образцамъ) дворяне, родовитые ли то или по времени пріобрѣтшіе дворянство своею службою, часто, — нужно сознаться, — знали хорошо французскій и другіе иностранные языки, а своимъ роднымъ славяно-русскимъ языкомъ владѣли плохо и даже нерѣдко пренебрегали имъ, убѣжденій своихъ не имѣли, а мнѣнія и взгляды мѣняли сообразно вѣяніямъ вѣтра западныхъ ученій; - образъ жизни по иностранной модѣ наблюдали, а отъ древне-русской церковности удалялись и т. д. Основаніемъ просвѣщенія было искони и доселѣ остается грамотность. Но и тутъ чужеземное вліяніе въ воспитаніи руководящихъ классовъ нашего народа сдѣлало свое дѣло. Издревле основаніемъ грамотности на Руси была азбука

церковно-славянская, изобрѣтенная св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. На церковно-славянскомъ языкѣ были у насъ священныя, богослужебныя и другія церковныя книги, составлявшія кругъ книгъ для чтенія народа и воспитывавшія нашъ народъ. Отсюда и всѣ другія рукописныя, а за тѣмъ и печатныя книги, составлявшіяся на Руси, не только по содержанію, но и по языку приближались къ священнымъ и церковнымъ книгамъ [1]). Но вотъ Петръ Великій ввелъ русскую азбуку, взявъ для нея за образецъ господствовавшую на западѣ латиницу. За тѣмъ подъ вліяніемъ усилій нѣкоторыхъ русскихъ писателей, особенно Карамзина, сталъ шлифоваться, такъ сказать, русскій языкъ, опять по образцу языковъ западныхъ, главнымъ образомъ французскаго. Однако, благодаря чужеземнымъ началамъ, руководившимъ многими дѣятелями этой шлифовки, и здѣсь произошло своего рода „безначаліе“, которое такъ нравилось „разрушителямъ“ всего стараго. „Съ нѣкотораго времени, писалъ еще въ сороковыхъ годахъ великій святитель Московскій Филаретъ, въ области русскаго слова распространяется родъ безначалія, невниманія къ принятымъ прежде правиламъ, неуваженіе къ признаннымъ прежде образцамъ,—подъ видомъ народности и общепонятности, развивается направленіе не къ народности чистой, благородной, правильной, но къ простонародности смѣшанной, низкой, безправильной. Какъ одного изъ вредныхъ послѣдствій сего направленія, если не удастся исправить онаго, надлежитъ опасаться того, что языкъ подъ перомъ писателей, а за тѣмъ и въ устахъ народа быстро уклоняться будетъ отъ славянскаго церковнаго нарѣчія, что прекрасный, сильный, проникнутый духомъ христіанскаго ученія церковный богослужебный языкъ сдѣлается наконецъ вовсе непонятенъ присутствующимъ при Богослуженіи.... Если государство по справедливости заботится о томъ, чтобы языкъ государства возмогалъ надъ языками разноплеменныхъ подданныхъ: менѣе ли заслуживаетъ заботы то, чтобы языкъ церкви не сдѣлался наконецъ языкомъ чужестраннымъ чрезъ своенравное ни мало не нужное отъ него

---

1) Не даромъ Екатерина II, въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ: „чтобъ хорошо знать Россійскій языкъ, надлежитъ узнать Славянскій“.

удаленіе языка народнаго?“ (Государ. ученіе Филарета, м. Моск. стр. 114—115. М. 1883). Къ сожалѣнію, это уже и оказалось, при томъ опять по началу въ высшихъ, руководящихъ классахъ народа, какъ и слѣдовало ожидать отъ началъ ихъ воспитанія. „Знаніе славянскаго языка,—свидѣтельствовалъ въ 1856 году другой великій святитель Русской церкви, Филаретъ, митрополитъ Кіевскій,—въ простомъ народѣ гораздо лучше сохраняется отъ того, что онъ усерднѣе посѣщаетъ Богослуженіе и внимательнѣе слушаетъ церковное пѣніе и чтеніе, и весьма многіе, даже изъ неграмотныхъ, знаютъ наизусть много псалмовъ и пѣсней церковныхъ, а слабо это знаніе преимущественно въ высшемъ классѣ, по пристрастію къ иностранному, по рѣдкому и невнимательному слушанію Богослуженія, а главнѣе всего отъ того, что дѣти сего класса начинаютъ учиться не по славянскимъ азбукамъ, а по русскимъ“ (Филар. Юбил. Сборн. II, 389—390. М. 1883). И если для простаго народа вопросъ о томъ, „что такое *же за ны* въ *Вѣрую*“ (Соврем. Извѣстія 1887 № 240) могъ быть вопросомъ лишь развѣ подъ условіемъ безтолковаго чтенія символа вѣры: то въ дворянскихъ семьяхъ, по свидѣтельству самихъ же дворянъ, иногда интересовались узнать, что это за „жезаны“ такіе (см. *Салтыкова—Щедрина*, Пошехонская старина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1887 № 10 стр. 623), вѣроятно, потому, что въ этомъ выраженіи предполагали искаженіе какого нибудь французскаго слова. Да къ тому же если еще интересовались этимъ, или если иногда еще спорили о томъ, что такое за „жеможаха“ такая, упоминаемая въ тропарѣ на Преображеніе Господне,—сіяніе, что ли, особенное (тамъ же): такъ это было отчасти добрымъ признакомъ. Чаще же всего бывало такъ, что всѣмъ этимъ и подобнымъ просто пренебрегали или издѣвались надъ этимъ. Еще менѣе отраднаго въ томъ же отношеніи можно было ожидать отъ большинства сторонниковъ мысли о безсословныхъ самоуправляющихся единицахъ, которые не имѣли подъ собою не только дворянской, а нерѣдко и никакой родной почвы. По этому не удивительно, если такіе и подобные люди, выступивъ, благодаря законоположеніямъ 1864 и 1874 гг., въ качествѣ общественныхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго просвѣщенія,

говорили напр. такъ: „въ такъ называемыхъ церковно-приходскихъ школахъ не учатъ, а развращаютъ крестьянскихъ мальчишекъ: ихъ не развиваютъ, а забиваютъ, ихъ учатъ вѣрить во всѣ старинныя поповскія сказки и строго держаться всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ.... Да оно и понятно: судите сами, господа,—кто тамъ учитъ, чему учитъ, какъ учитъ и почемъ? Тамъ учатъ попы и попадьи и старыя поповскія дѣвы, дьяконы, дьячки и дьячихи, учатъ по старинной методѣ: азъ, буки, вѣди... учатъ по букварямъ и псалтири... Ну, развѣ это школы, гдѣ такое ученіе?... Существованіе такихъ школъ равносильно не существованію никакихъ. И такъ, господа, у насъ школъ нѣтъ, и попы напрасно самозванно выставляютъ себя ревнителями народнаго образованія, сочиняя свои отчеты объ этихъ въ сущности не существующихъ школахъ“ (свящ. *М. Бурцева*, Судьба одной ц.—прих. школы, стр. 1—2. Тула, 1879). Или: „у меня въ районѣ школъ нѣтъ, сказалъ одинъ земскій дѣятель: а въ тѣ школы, какія вы называете школами, я сочту за униженіе для себя, за позоръ для своего званія когда нибудь ступить ногою.... Тамъ учатъ безграмотныя попадьи, пьяные дьячки, дьяконы и попы, и я буду слушать ихъ болтовню?... Да и вообще, господа, я никакихъ сельскихъ школъ не признаю... Я признаю школу въ двухъ видахъ: гимназію и университетъ. Гимназія учитъ, а университетъ даетъ направленіе, сельская же ваша школа забиваетъ головы мальчишекъ и развращаетъ ихъ умъ, уча ихъ слѣпо вѣрить попамъ и библіи“... (Тамъ же, стр. 2). [1]) Или на страницахъ періодическихъ изданій высказывали такія слова: „многіе готовы едва не всѣ учебные часы въ приходской школѣ удѣлить воспитанію, которое они называютъ религіознымъ и которое теперь [2]) выражается въ этихъ школахъ безтолковымъ долбленіемъ Псалтири и Часослова, или буквальнымъ заучиваніемъ изъ книги догматовъ [3])

---

[1]) Такія рѣчи говорились въ земскихъ собраніяхъ вскорѣ по учрежденіи земствъ, именно въ 1865 г.

[2]) Именно въ 1885 году, слѣдовательно по возстановленіи церковно-приходскихъ школъ.

[3]) Очевидно самъ писавшій эти строки не ясно представлялъ себѣ то, что называетъ „книгою догматовъ“.

и т. п. Развѣ такое мученіе десятилѣтнихъ дѣтей можно назвать религіознымъ воспитаніемъ? Не скупитесь по этому дать больше времени наукѣ свѣтской; она свѣтъ и закрывать его отъ дѣтей антирелигіозно. Если вамъ желательно, чтобы крестьянинъ болѣе обширно зналъ догматы и требованія религіи, учите его тогда, когда у него есть для этого нужные устои, а въ дѣтской школѣ этому не можетъ быть мѣста"... (Цитату см. въ „Церковно-Общ Вѣстникѣ" за 1885 г. № 97)... Это ли не мгла? Это ли не тьма духовная? При этомъ ли „свѣтѣ свѣтской науки" нельзя было ловить „таракана" сторонникамъ разрушительнаго направленія? И они удачно ловили. Въ теченіи почти 25 лѣтъ они успѣли достаточно поразвратить молодое поколѣніе крестьянства, достаточно поудалить его отъ церкви и преданій родной старины. Такъ какъ изъ народныхъ школъ свѣтскаго вѣдомства, за не многими исключеніями, церковно-славянскій языкъ былъ почти изгнанъ, то въ народѣ быстро стали пропадать знаніе и разумѣніе церковно-богослужебнаго чтенія и охота къ нему, а чрезъ это поселялось равнодушіе къ церкви Божіей, къ службамъ церковнымъ, къ уставамъ церкви и ея внушеніямъ. Не получая въ дѣтствѣ твердыхъ основъ христіанской жизни, а питаясь лишь одними побасенками да прибаутками, сказками и нерѣдко сомнительнаго въ нравственномъ отношеніи содержанія разсказами, получая поверхностныя знанія едва не изъ всей энциклопедіи наукъ, а не зная того, что есть *единое на потребу* (Лук. 10, 42), народъ въ его молодомъ поколѣніи, сталъ замѣтно уклоняться отъ чистой вѣры и нравственности. Сомнѣніе въ самыхъ основныхъ истинахъ православной вѣры, склонность къ увлеченію въ штунду напр., раннее знакомство съ пороками, о которыхъ прежде въ молодыя лѣта и не спилось крестьянству, частые разводы, непочтеніе къ родителямъ, доходящее иногда даже и до убійства послѣднихъ изъ за денегъ, нужныхъ для удовлетворенія какихъ либо страстей и под., наконецъ участіе даже въ политическихъ преступленіяхъ, стали чаще прежняго повторяться, какъ можно видѣть по газетамъ, въ которыхъ, конечно, многое и не печатается. Всѣ эти и подобныя явленія по истинѣ мрачною полосою ложатся на фонѣ исторіи нашего народнаго про-

свѣщенія за разсматриваемое время.—Но доколѣ не возобновились утихшія было съ 1867 года покушенія на жизнь священной особы Государя Императора, объ измѣненіяхъ такого ненормальнаго положенія дѣла народнаго образованія, долженствовавшаго служить опорою благодепствія государства, въ свѣтскихъ правительственныхъ сферахъ не поднималось почти и рѣчи. И только въ 1879 году, когда, какъ извѣстно, возобновились эти покушенія,—дѣло тѣхъ же „подземныхъ людей", о которыхъ было говорено выше,—въ комитетѣ министровъ подвергнутъ былъ обсужденію поставленный особымъ совѣщаніемъ вопросъ о предоставленіи православному духовенству надлежащаго вліянія на народное образованіе. При этомъ „Комитетъ выразилъ единогласное убѣжденіе, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами и если достиженіе сего нынѣ на практикѣ затруднительно, то оно, въ возможно близкомъ будущемъ, должно быть поставлено цѣлію согласованныхъ къ сему стараній министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства" (Отчетъ Об.-прок. Св. Син. за 1883 г. стр. 57—58. Спб. 1885). Не смотря однако на это, нужны были иные и притомъ болѣе тяжкіе удары и испытанія, чтобы подвинуть это дѣло ближе къ осуществленію. 5 февраля 1880 года и особенно 1 марта 1881 года были такими событіями, такими сильными толчками и страшными уроками, послѣ которыхъ медлить было уже невозможно. И вотъ, послѣ вторичнаго обсужденія вышеупомянутаго вопроса въ комитетѣ министровъ въ концѣ 1881 года, съ 1882 года открыла свои дѣйствія особая Коммисія при Св. Синодѣ, подъ предсѣдательствомъ синодальнаго члена, архіепископа Варшавскаго Леонтія, имѣвшая задачею своею разрѣшить этотъ вопросъ. Разультатомъ занятій этой Коммиссіи былъ „проектъ положенія о церковно-приходскихъ школахъ" съ объяснительною къ проекту запискою, въ которой, кромѣ сужденій о предметахъ относящихся къ церковно-приходскимъ школамъ, указаны были мѣропріятія къ обезпеченію за духовенствомъ надлежащаго вліянія на народныя

школы свѣтскихъ вѣдомствъ и частныя мѣропріятія на пользу просвѣщенія народа въ духѣ церковности“ (тамъ же, стр. 60). Согласныя съ этимъ проектомъ „Правила о церковно-приходскихъ школахъ“ имѣли цѣлію „дать церковно-приходскимъ школамъ устройство самостоятельное, не зависящее отъ колеблющихся мнѣній о предметахъ начальнаго обученія; поставить ихъ въ неразрывную связь съ Церковію и установить для нихъ простую, твердую и сочувственную народу программу ученія; установить правильный надъ ними надзоръ и поставить съ ними въ связь мелкія крестьянскія школы грамотности, кои сами собою возникали и возникаютъ въ отдаленныхъ деревняхъ и селеніяхъ; привлечь къ нимъ участіе и заботу мѣстныхъ церковныхъ попечительствъ и отдѣльныхъ лицъ, сочувствующихъ дѣлу начальнаго образованія въ деревнѣ; способствовать по возможности поощренію тѣхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, кои посвящаютъ труды свои этому скромному, но важному дѣлу (Отчетъ Об.-пр. св. Син. за 1884 г. стр. 22—23. Спб. 1886). Когда Оберъ-Прокуроръ св. Синода (К. П. Побѣдоносцевъ) доложилъ о семъ Государю Императору, то Его Величеству благоугодно было въ 13-й день іюня 1884 года на докладѣ его начертать слѣдующія незабвенныя слова: *„Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“* (тамъ же, стр. 23). Послѣ этого рѣшительнаго выраженія воли Самодержавнаго Монарха дѣло и положеніе его измѣнилось. Министерство народнаго просвѣщенія теперь уже сочувственно отнеслось къ призыву возлюбленнаго Монарха и въ циркулярномъ указѣ къ попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 24 іюля 1884 г. за № 10370 министръ просвѣщенія (И. Д. Деляновъ), ясно выражая и вѣрно толкуя мысль Монарха, прежде всего открыто призналъ ту истину, что духовенство „съ первыхъ временъ основанія Русскаго Государства стояло во главѣ распространенія образованія въ народѣ“, а за тѣмъ впушалъ подвѣдомымъ ему начальникамъ отдѣльныхъ учрежденій и другимъ дѣятелямъ на поприщѣ просвѣщенія народнаго прямо и безповоротно слѣдовать волѣ Монарха содѣйствіемъ духовенству въ его новомъ, но по существу старомъ дѣлѣ

того же народнаго просвѣщенія. Недавно изданный (приложеніемъ къ 9-й кн. журнала Министерства Нар. Просв. за 1887 г.) „Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства мин. нар. просвѣщенія“ также ясно обнаруживаетъ намѣреніе министерства содѣйствовать осуществленію той же благой цѣли. Тогда какъ въ прежнемъ подобномъ каталогѣ (1876 г.) нигдѣ не упомянуты даже въ числѣ „допущенныхъ къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ“ такія книги, какъ *Псалтирь*, *Часословъ*, *Начальное ученіе человѣкомъ хотящимъ учится книгъ Божественнаго Писанія* и под., въ этомъ каталогѣ на нихъ указывается въ самомъ началѣ. Содѣйствіе теперешняго министерства духовному вѣдомству выражается и въ другихъ отношеніяхъ. Равно также и земства на ряду съ другими различными органами самоуправленія, послѣ изъявленія воли Монарха, нѣсколько попріостановились въ своемъ шествованіи по прежнему пути начальнаго образованія народа. И хотя многіе представители земствъ, городскихъ обществъ и т. д., пропитанные насквозь духомъ западничества, съ 1884 г. доселѣ не переставали и не перестаютъ и въ земскихъ собраніяхъ и въ думахъ и въ періодической печати и т. д. кричать противъ этого, а въ послѣднее время особенно противъ „поглощенія“ церковно-приходскою школою земской и министерской, какъ они выражаются (см. напр. Вѣсти. Евр. 1887 № 11, стр. 387): однако голоса ихъ уже гораздо сдержаннѣе прежняго. Многія земства и другіе органы самоуправленія, напротивъ, съ 1885 года поспѣшили примкнуть къ министерству просвѣщенія обращеніемъ земскихъ и городскихъ начальныхъ школъ въ церковно-приходскія, денежными и другими воспособленіями послѣднимъ и под., а не то такъ внутреннимъ преобразованіемъ своихъ начальныхъ школъ „въ духѣ самаго строгаго согласованія ихъ съ направленіемъ церковно-приходскихъ школъ, въ самомъ близкомъ единеніи ихъ съ Церковію“ (см. Правосл. Обозрѣн. 1887 г. № 2, стр. 407; срав. также № 44 Моск. Церк. Вѣдом.; №№ 287, 299 Моск. Вѣдом. за тотъ же годъ и др.).

Да и въ силу чего еще доселѣ многіе возстаютъ противъ усиленія значенія церковно-приходскихъ школъ, особенно

въ томъ ихъ видѣ, какой опредѣляется начинающимися съ 1884 года законоположеніями о нихъ? Послѣ всего сказаннаго доселѣ справедливымъ основаніемъ къ тому могло бы служить только то, если бы онѣ 1) не воплощали въ себѣ типа древне-русской народной школы, съ такою пользою послужившей благоденствію Государства Россійскаго въ теченіи всего почти 1000-лѣтія существованія послѣдняго; 2) въ то же время чуждались всякаго полезнаго пріобрѣтенія и преуспѣянія въ области науки воспитанія и обученія и 3) не опирались на вышеозначенныхъ трехъ началахъ русской государственной жизни: православіи, самодержавіи и народности, не провозвѣщали, не утверждали и не охраняли эти начала. Но ни того, ни другаго ни третьяго нѣтъ. Напротивъ:

1) Новыя церковно-приходскія школы вѣрно сохраняютъ и воплощаютъ въ себѣ типъ древне-русской народной школы. Въ пользу этого говоритъ прежде всего уже самое названіе ихъ „церковно-приходскими“, указывающее на ихъ основной характеръ –церковность, связь съ Церковію и духовенствомъ „Церковно-приходскими школами,—читаемъ въ самомъ первомъ параграфѣ правилъ о нихъ,—именуются начальныя училища открываемыя православнымъ духовенствомъ“.— „Приходскія школы,—читаемъ въ § 9 тѣхъ же правилъ, -нераздѣльно съ церковью, должны внушать дѣтямъ любовь къ церкви и Богослуженію, дабы посѣщеніе церкви и участіе въ Богослуженіи содѣлалось навыкомъ и потребностію сердца учащихся. Въ воскресные и праздничные дни учащіеся должны присутствовать при Богослуженіи, а способные, по надлежащей подготовкѣ, должны участвовать въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Ежедневныя учебныя занятія начинаются и оканчиваются молитвою“. § 10: „Обученіе въ церковно-приходскихъ школахъ производятъ мѣстные священники или другіе, по соглашенію, члены причта, а равно особо назначаемые для того, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, учители и учительницы, подъ наблюденіемъ священника“. § 11: „Наставленіе въ правилахъ вѣры и преподаваніе закона Божія относится къ прямой обязанности священника. Если въ составѣ причта есть діаконъ, то пре-

подаваніе закона Божія можетъ быть предоставлено и ему" и только „въ особливыхъ случаяхъ, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, преподаваніе закона Божія можетъ быть предоставлено членамъ клира или благонадежному учителю изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу клира". Но посмотрите, кто главнымъ образомъ и эти послѣднія лица! § 12: „Учительскія должности въ церковно-приходскихъ школахъ замѣщаются преимущественно лицами, получившими образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства". А духовныя учебныя заведенія далеко не то, что свѣтскія въ настоящемъ случаѣ. Они, скажемъ словами одного знатока дѣла,—„какъ бы ни судили объ нихъ свѣтскіе люди,—несомнѣнно самыя старыя на Руси школы, притомъ связанныя своими преданіями и съ греческими школами и съ западно-русскими и, наконецъ, единственныя у насъ школы, надъ которыми до сихъ поръ счастливо пронесились бури Петровскихъ преобразованій" (Церк. Вѣстн. 1887 № 40 статья Кояловича). А такъ какъ дѣтей школьнаго возраста въ Россіи числится около 12 милліоновъ, а священно-церковно-служителей не менѣе 100 тысячъ, учащихся же въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ не менѣе 50 тысячъ: то числа учителей и учительницъ изъ духовенства очень и очень достаточно для желающихъ учиться въ церковно-приходскихъ школахъ, иначе сказать,—подъ руководствомъ самой матери—церкви. Въ число учителей и учительницъ, наконецъ, могутъ поступать и лица совсѣмъ свѣтскія (срав. § 13 прав. о ц.-пр. шк.), но въ отношеніи къ такимъ лицамъ желательно было бы, въ видахъ существенной пользы дѣла, поставить условіемъ—освоиться съ духомъ или даже и пройти курсъ преподаванія наукъ въ духовныхъ школахъ. Церковь русская не есть церковь римская съ клерикализмомъ послѣдней. По ученію православному, „Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами" (Катихиз). И какъ въ древне-русской жизни въ духовное званіе поступали люди изъ всѣхъ сословій и состояній, лишь бы кто чувствовалъ къ тому призваніе, такъ и теперь могутъ поступать (и поступаютъ) въ число духо-

венства также люди какихъ угодно сословій, званій и состояній Только со времени Петровскихъ преобразованій духовенство мало по малу выдѣлилось какъ бы въ особую касту, да и это случилось отъ того, что, вслѣдствіе матеріальныхъ и иныхъ стѣсненій со стороны правительства духовенству, лица изъ другихъ болѣе привиллегированныхъ сословій стали имѣть меньше охоты поступать въ духовное званіе; а за тѣмъ, съ постепеннымъ усиленіемъ духа западничества, началось и еще большее приниженіе духовнаго сословія, выражавшееся и выражающееся иногда, со стороны нѣкоторыхъ не только изъ высшихъ, но даже и изъ среднихъ съ низшими классовъ народа презрѣніемъ въ отношеніи къ нему, такъ что въ этихъ случаяхъ духовенство по всей справедливости могло бы вмѣстѣ съ пророкомъ, отъ лица Господня говорившимъ, сказать: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася Мене* (Ис. 1, 2).... Но продолжимъ сопоставленіе новыхъ церковно-приходскихъ школъ съ древне-русскими. Цѣль учрежденія первыхъ и объемъ преподаванія въ нихъ также свидѣтельствуютъ за ихъ сродство съ послѣдними. И именно „школы сіи имѣютъ цѣлію, какъ мы указывали и въ началѣ нашего настоящаго разсужденія,—утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія“ (§ 1). Это, какъ мы видѣли изъ раньше сказаннаго, было и всегда на Руси главною цѣлію просвѣщенія. Правда, и свѣтскія „начальныя народныя училища имѣютъ цѣлію утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія“ (ст. I положеній о нач. нар. уч. 14 іюля 1864 и 25 мая 1874 г.): однако мы видѣли, какъ иногда въ свѣтскихъ училищахъ самое дѣло шло въ разрѣзъ съ такою благою цѣлью благодаря нѣкоторымъ исполнителямъ этого дѣла. Въ церковно-приходскихъ училищахъ осуществленіе означенной цѣли обезпечивается уже самымъ священнымъ саномъ и долгомъ священнической совѣсти исполнителей, тогда какъ въ свѣтскихъ школахъ такого обезпеченія не представляется.—Затѣмъ, посмотрите на объемъ предметовъ, преподаваемыхъ въ церковно-приходскихъ школахъ,—и вы увидите опять въ

сущности то, что уже издавна, съ меньшею или большею широтою, преподавалось на Руси. Именно „церковно-приходскія школы могутъ быть одноклассныя съ двухлѣтнимъ и двухклассныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ". Въ первыхъ „преподаются: 1) Законъ Божій (и именно: а) изученіе молитвъ; б) священная исторія и объясненіе богослуженія; в) краткій катихизисъ); 2) церковное пѣніе; 3) чтеніе церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальныя ариѳметическія свѣдѣнія. Въ школахъ двухклассныхъ преподаются сверхъ сего начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви и отечества" (§ 5 прав. о ц.-пр. шк.). Это представляетъ лишь въ болѣе широкомъ и опредѣленномъ видѣ тотъ планъ преподаванія, который начертанъ кратко въ слѣдующихъ словахъ древней *молитвы іерея о отрочати, начинающемъ ученіе свое: Дай же ему, Господи, отъ Давидова разума, отъ Соломони премудрости, и отъ Кирилловы хитрости. Дай же ему стояніе съ іереи и со всѣми святыми Твоими* (см. Кирилло-Меѳод. Сборн., стр. 448). Кириллова азбука или, что тоже, церковно-славянская грамота съ ея не хитрою счетною премудростію, опиравшеюся опять таки на церковно-славянскую азбуку; Псалтирь царя Давида, правоучительныя изреченія мудрости Соломоновой: вотъ весь планъ древне-русской школы. Церковность, состоявшая между прочимъ въ участіи чтеніемъ и пѣніемъ въ богослуженіи *(стояніе съ іереи)*:—вотъ основной характеръ ея. Религіозность *(стояніе —со всѣми святыми)*: вотъ конечная цѣль и направленіе ея. Соотвѣтственно этому писались и издавались и учебныя книги: буквари, азбуки, грамматики и т. д. Изданныя въ 1886 году программы для церковно-приходскихъ школъ лишь еще болѣе точно и подробно опредѣляютъ тотъ же объемъ преподаванія. Во всякомъ случаѣ „при семъ наблюдается, чтобы въ одноклассныхъ школахъ составъ учебныхъ предметовъ былъ не менѣе опредѣленнаго въ положеніи о нач. пар. учил. 25 мая 1874 года (§ 5 прав. о ц.-пр. шк. примѣч.). Такъ относительно объема, но не вполнѣ такъ относительно характера. Въ положеніяхъ о нач. пар. учил. вѣдомства министерства нар. просвѣщенія и 1864 и 1874 года опредѣляется слѣдующій составъ учебныхъ предметовъ въ этихъ училищахъ: „а) Законъ Божій (Краткій катихизисъ и священная исторія):

б) Русскій языкъ, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати и письмо: в) Первыя четыре дѣйствія ариѳметики и г) Церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно". Разница очевидна и ее нечего уяснять. Послѣдній предметъ (церковное пѣніе) въ одно время (въ 1865 г.) даже было совсѣмъ хотѣли изгнать изъ начальныхъ народныхъ школъ, находя какія-то „затрудненія" въ исполненіи постановленія о преподаваніи этого предмета [1]), и министръ народнаго просвѣщенія даже представилъ о томъ Государю докладъ. Но Государь велѣлъ спросить о томъ мнѣнія митрополита Московскаго Филарета, – и конечно желаніе нелюбителей церковнаго пѣнія не было исполнено (см. Соб. зак. за 1865 г. №42812 и за 1866 г. №43124). А за тѣмъ лишь „по мѣрѣ надобности и средствъ дозволяется открывать при церковно-приходскихъ школахъ, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея: а) дополнительные классы по предметамъ преподаваемымъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ; б) ежедневные урокидля взрослыхъ; в) особыя ремесленныя отдѣленія и рукодѣльные классы и г) воскресныя школы для лицъ, не имѣющихъ возможности пользоваться ученьемъ ежедневно" (§ 7 прав. о ц.-пр. шк.).— Наконецъ взгляните на учебныя руководства и пособія, употребляемыя въ ц.-пр. школахъ—и здѣсь вы увидите тоже воплощеніе типа древне-русской народной школы. Уже то самое, что всѣ эти руководства и пособія, равно какъ и книги для чтенія въ церковно-приходскихъ школахъ суть лишь указываемыя Св. Синодомъ (§ 8 прав. о ц.-пр. шк.), свидѣтельствуетъ о ихъ церковности по основному характеру и о полной ихъ благонадежности. Не говоря уже о Законѣ Божіемъ и церковномъ пѣніи, даже чтеніе съ письмомъ и ариѳметика имѣютъ для себя такія руководства и пособія въ церковно-приходскихъ школахъ, которыя въ основаніи своемъ суть вполнѣ древне-русскія и совершенно отличныя отъ тѣхъ многочисленныхъ руководствъ и пособій, которые наводнили начальныя народныя школы свѣтскаго вѣдомства. Не упоминая о Часословѣ и Псалтири, - этихъ отъ древности излю-

---

[1]) Вѣроятно, вмѣсто церковныхъ пѣсней, хотѣли не только пѣсни свѣтскія народныя, а и плясовыя ввести въ народныя школы.

бленныхъ учебниковъ грамотности на Руси и доселѣ служащихъ руководствами въ церковно-приходскихъ школахъ, обратимъ вниманіе хотя бы на книжицу: *Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ Божественнаго писанія.* Предъ нами ея изданіе 1883 года (изданіе 33-е). Въ началѣ ея на верху находится виньета, изображающая всевидящее око, крестъ и скрижали завѣта; за тѣмъ, послѣ заглавія, прежде всего поставлены молитвы: *Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь* (срав. вышеприведенную заповѣдь Спасителя апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа)* и: *Боже, въ помощь мою вонми, и вразуми мя во ученіе сіе.* Далѣе слѣдуютъ буквы церковной и гражданской азбуки, склады двухсложные и трехсложные, слоги именъ по азбукѣ (алфавиту) подъ титлами (А: Аггл҃ъ. Агг҃льскій. Архг҃лъ и т. д.) и имена просодіамъ (оѯіа. їсо. каріа и т. д.). Потомъ идутъ молитвы утреннія, предъ трапезою и по трапезѣ, на сонъ грядущимъ и другія молитвы, символъ вѣры, десять заповѣдей, исчисленіе добродѣтелей богословныхъ, таинствъ, даровъ Духа Святаго, плодовъ Духа Святаго, блаженствъ евангельскихъ, дѣлъ милости внѣшнихъ и духовныхъ, грѣховъ смертныхъ и добродѣтелей. За тѣмъ четыре послѣдняя и достопамятная: „Смерть. Судъ Божій Геенна. Царство небесное". Вслѣдъ за этимъ „Сокращенный Катихизисъ". Потомъ болѣе знаменательныя „Изреченія изъ св. писанія", — „Краткое правоученіе" „(Будь благочестивъ. Уповай на Бога" и т. д.) и наконецъ „Числа церковныя гражданскія и римскія" отъ единицы до тысячи [1]). О полномъ согласіи этого учебника съ азбуками и букварями древне-русскими собраніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія можетъ судить уже по тѣмъ примѣрамъ, которые приведены были года два съ половиной тому назадъ въ рѣчи о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ учителяхъ народа русскаго (см. Чтенія въ общ. люб. дух. просв. за 1885 г. №№ 5—6). Для удостовѣренія въ томъ же согласіи можно указать еще на статью г. Извѣкова, помѣщенную въ журналѣ: „Семья и Школа" за 1872 г. подъ заглавіемъ: „Букварная система

---

[1]) Срав. также изданную отъ Св. Синода „Азбуку" (Спб. 1887).

обученія въ исходѣ XVII и началѣ XVIII ст". Разница была только въ подробностяхъ и распорядкѣ матеріала, но не въ существѣ дѣла. Если же мы возьмемъ самое огромное большинство подобныхъ же руководствъ, употреблявшихся и доселѣ употребляемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ свѣтскаго вѣдомства, то увидимъ разницу и по самому существу дѣла. Для сравненія возьмемъ изъ прежнихъ Азбуку, составленную *А. Великиновымъ* и изданную въ Москвѣ въ 1859 году. Вмѣсто всякихъ молитвъ, эта азбука начинается анализомъ словъ пѣсенки о пѣтушкѣ. При этомъ „дитя,—какъ говорится въ предисловіи къ книгѣ,—мало по малу знакомится съ буквами и ихъ назначеніемъ, освобождается отъ продолжительнаго для него долбленія отдѣльныхъ складовъ: ба, ва и т. д". За тѣмъ и въ матеріалѣ для чтенія, вмѣсто прежнихъ молитвъ, катихизиса, нравоученія и т. д. мы здѣсь видимъ почти только одни стихотворенія, при томъ, на ряду съ хорошими, вовсе не подходящія для дѣтей: или сомнительныя по нравственной тенденціи, или двухмысленныя, или же съ соціалистическою окраскою и под.(см. напр. „Старый волкъ" на стр. 76 и дал. „Нищій", стр. 49 и др.). Равно также, на ряду съ хорошимъ, много нехорошаго и въ другихъ учебникахъ и пособіяхъ, при томъ не говоря о мелкотравчатыхъ, даже въ столь употребительныхъ, какъ „Нашъ другъ" барона *Корфа*, „Родное слово" Ушинскаго и др., на что съ глубокимъ прискорбіемъ указываетъ и самъ нашъ простой народъ (см. книжку: „Мысли простаго русскаго народа о томъ, какое ему нужно ученіе и просвѣщеніе, изложенныя по поводу освященія и открытія церк.-приходской школы Моск. губ., при Тихвинской церкви въ г. Богородскѣ 18 янв. 1887 года", стр. 35 и дал 57, 84 и др. Москва, 1887). Не даромъ же этотъ простой народъ, громко вопія противъ такихъ учебниковъ и прося выключить ихъ изъ числа руководствъ для начальныхъ народныхъ училищъ, проситъ усиленно возвратить его дѣтей къ стариннымъ любимымъ руководствамъ: Часослову и Псалтири, какъ научающихъ Божественному, а не демонскому плясопѣсенному ученію. Далѣе, эти же книги, т. е. Часословъ и Псалтирь, вмѣстѣ съ другими также „Божественными" книгами, каковы: Евангеліе,

Апостолъ, творенія св. отцевъ, житія святыхъ и т. п., служатъ и могутъ служить книгами для чтенія внѣкласснаго какъ въ самыхъ церковно-приходскихъ школахъ, такъ и особенно въ семьяхъ [1]). А развѣ не тоже, какъ мы видѣли раньше, было предметомъ для чтенія и въ старину? — Вѣдь, только уже новое время, заимствовавшее науку изъ разлагающагося духовнозападнаго міра, внесло къ намъ всякой, съ позволенія сказать, дряни для чтенія, на которую, какъ мы видѣли, жаловался уже святитель московскій Филаретъ и которая съ нѣкотораго времени наводнила собою всю Русь, представляя въ себѣ море великое и пространное, въ которомъ *гади имже нѣсть числа*. При развивающейся же годъ отъ году, по мѣрѣ распространенія образованія, жаждѣ чтенія, что можетъ принести эта литературная масса кромѣ дурнаго? Мы уже по горькому опыту знаемъ, какіе практическіе результаты оказывались не только отъ чтенія такихъ книжонокъ, какъ „Разбойникъ Чуркинъ“, но и отъ знакомства съ тѣмъ „свѣтомъ“, который износитъ отъ себя „свѣтская наука“. Старинныя „Божественныя“ книги не научали неповиновенію родителямъ, не знакомили съ разными, по большей части недоброкачественными способами наживы, не трактовали о правахъ четвертаго сословія, не проводили космополитическихъ, матеріалистическихъ и т. п. идей, а учили страху Божію, почтенію къ родителямъ, уваженію къ властямъ предержащимъ: *нѣсть бо власть, аще не отъ Бога* (Римл. 13, 1) и т. д. Отъ того-то и строй Россіи былъ крѣпче теперешняго.

Но 2) воспроизводя въ себѣ типъ древне-русской народной школы, новая церковно-приходская школа въ тоже время не чуждается и движенія науки впередъ, какъ не чуждалась его и древне-русская школа. Уже св. Кириллъ и Меѳодій, при составленіи азбуки и переводовъ священныхъ, богослужебныхъ и другихъ книгъ съ любовію, искусствомъ и успѣ-

---

[1]) См. изданныя Св. Синодомъ „Программы для ц.-прих. школъ“, стр. 16 и дал. 34 и др. Спб. 1886;—каталогъ книгъ изд. Св. Синодомъ и предназначенныхъ для начальнаго народнаго образованія при № 9 Журн. мин. нар. просв. за 1887 г.;—о. *Никона*, Чего проситъ народъ? Москва, 1887 и др.

хомъ пользовались тѣмъ, что доставляла имъ тогдашняя человѣческая мудрость (алфавиты, грамматическое строеніе разныхъ тогдашнихъ языковъ, знакомство съ литературою послѣднихъ и т. д.). Не даромъ св. Кириллъ получилъ наименованіе „философа“. Равно также было и въ древней Руси. Напр. самый первый митрополитъ всероссійскій, св. Михаилъ призывалъ къ себѣ учителей и наставлялъ ихъ учить дѣтей не только грамотѣ, но и благонравію, дѣйствовать на нихъ не гнѣвомъ и не жестокостію, но ласковостію, и страхомъ, растореннымъ любовію и благоразумно приспособляться въ своихъ урокахъ къ силамъ и понятіямъ каждаго (Степ. кн I, 143; ср. Прогр. для ц.-пр. школъ, стр. XV). Въ виду этого, при отсутствіи всякихъ теперешнихъ усовершенствованій въ области педагогики и дидактики, посмотрите, какія усилія употребляли древніе наши учителя къ тому, чтобы въ ихъ школѣ было не одно лишь „долбленіе“, да „долбленіе“, какъ нынѣ любятъ выражаться о тогдашнемъ ученіи, но чтобы по возможности и по мѣрѣ нужды упростить и облегчить дѣло усвоенія началъ обученія. Правилами объ этомъ полны всѣ почти предисловія къ старинnымъ букварямъ и грамматикамъ. Какъ на образчикъ этого, можно указать на предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго (М. 1648), направляющее учащагося къ тому, чтобы „умомъ разумѣти словеса, что говорити“. Срав. также предисловіе къ учебному Часослову. Повѣрятъ ли наши педагоги тому, что еще въ XVII вѣкѣ у насъ на Руси видны зачатки обученія даже по звуковому способу? А это подлинно было такъ. Въ *Алфавитиръ*, приписываемомъ братьямъ Лихудамъ и находящемся въ рукописномъ видѣ въ въ библіотекѣ Спб. дух. акад. (№ 1208, стр. 47—89), мы находимъ слѣдующія любопытныя замѣтки: „*в* или *ѵ* обоя сія начертанія едино писмя и имя имуть *ѵ*, а не яко неискусніи писмя сіе *ѵ* обыкоша гласить *ик*. Подобаетъ убо коеждо писмя глаголати, яко оно *гласъ свои творитъ*, гласъ же писмене сего не *и*, но *у*: и якоже гласъ его есть, сице и *звати тое по гласу его* у, или сложено *ук*, но гласа не измѣняя; слагается же писмя сіе изъ двухъ точію писменъ гласныхъ: она и ѵпсилона. Еще *ъ*, гласное же мягко, глаголати достоитъ, яко *іе*, точію дебело *ъ*, а не *ять*, и учити

глаголати тое яко *глась свой творитъ*, не прилагая писменъ, согласнаго *т* и припряжно гласнаго *ъ*, *ниже глась его измѣняя во инъ глась*". Или еще: „паки учитель да вѣсть, какъ ученика учити слогомъ не нераздѣльно подобаетъ учити (яко обыкоша неискусніи, *букиаз—ба*, *вѣдиаз ва*, *глаголиаз—га* и прочая; не тако убо подобаетъ слоги учити): но раздѣльно и учащемуся" (*Иваткова*, Букварная система обученія въ XVII и XVIII в. въ „Семьѣ и Школѣ за 1872 г. стр. 740 - 741). За тѣмъ не говоря уже о педагогическихъ и дидактическихъ нововведеніяхъ, даже иногда съ ненужными излишками вводившихся въ систему начальнаго обученія со временъ Петра Великаго, между прочимъ и такими новаторами, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, мы укажемъ на ланкастерскую систему взаимнаго обученія, на облегчающія чтеніе и изученіе читаемаго таблицы, пользовавшіяся сочувствіемъ между прочими и святителя Московскаго Филарета, введшаго ихъ въ начальную школу, учрежденную при Сергіевой Лаврѣ, и т. д. Да и съ звуковою методою Золотова духовное вѣдомство тотчасъ же ознакомилось и вводило ее въ свои школы, хотя и не раньше, быть можетъ, нѣкоторыхъ школъ свѣтскихъ, однако во всякомъ случаѣ раньше школъ земскихъ и городскихъ начальныхъ. Правда, оно не такъ поспѣшно усвояло ее себѣ, какъ свѣтское вѣдомство, бросавшееся, нерѣдко и безъ разбора, на всякую новинку въ области педагогики и дидактики, принесенную вѣтромъ западныхъ ученій; но оно имѣло на то и свои причины, по нашему мнѣнію очень уважительныя и оправданныя опытомъ вѣковъ. Между тѣмъ какъ новая педагогія старается всячески облегчить трудъ обученія вообще и вчастности грамотѣ, разными наведеніями, объяснительнымъ чтеніемъ и под., древніе смотрѣли на дѣло иначе и допускали облегченіе лишь самое необходимое, какъ мы о томъ замѣчали недавно. Наши предки не обращали ученія въ игрушку, въ забаву, какъ это вошло въ обычай въ новыхъ свѣтскихъ школахъ. Они смотрѣли на ученье какъ на трудъ и на школу труда, пріучавшую къ терпѣнію, выносливости и т. п. согласно слову Божію. По этому-то въ своихъ учебникахъ они привлекали дѣтей къ ученію не

пѣсенками о пѣтушкѣ или о чемъ либо подобнымъ, а такого рода напр. стихами:

„Хвалити Бога человѣку всяку,
„Долгъ учитися писменъ словесъ знаку.
„Ученіемъ бо благо разумѣетъ,
„Въ царство небесно съ святыми успѣетъ.
„Тѣмъ же юніи въ трудѣ семъ бывайте,
„Временъ и часовъ въ гулбѣ не теряйте".

Такъ читаемъ въ самомъ началѣ букваря *Ѳеодора Поликарпова* (1701 г.). Равно также и Лихудовскій *Алфавитарь* говоритъ:

„Не хотяй трудолюбно юный учитися,
„Презѣлно о томъ старъ сый будетъ стыдѣтися".

(*Изтякова*, тамъ же, стр. 738) Съ такою же осторожностію, съ такимъ же основнымъ взглядомъ на дѣло обученія относились къ нему истинные учители наши и въ послѣдующее время, при всякихъ даже нововведеніяхъ, вызывавшихся требованіями времени. Вотъ напр. что пишетъ отъ 16 ноября 1857 года приснопамятный святитель Московскій Филаретъ къ намѣстнику Сергіевой Лавры архим. Антонію: „удивительныя дѣла бываютъ на свѣтѣ. Жили, жили на свѣтѣ люди прежде насъ; жили, жили на свѣтѣ мы грѣшные: наконецъ въ 1857 году узнаемъ, что мы не умѣемъ учиться грамотѣ!—Нашелъ я указанный вами листъ „Петербургскихъ вѣдомостей", и прочиталъ сказаніе объ азбучной премудрости Золотова. Вѣроятно, въ скорости обученія много участвуетъ искусство учителя возбуждать вниманіе и охоту учениковъ. Можетъ быть, успѣхъ и окажется удовлетворителенъ. Но отъ разныхъ выдумокъ скороспѣлаго ученія грамматики замѣчается то послѣдствіе, что скоро выучившіеся не знаютъ грамматики, и худо владѣютъ языкомъ. Систематически учащіеся грамматикѣ имѣютъ болѣе труда: за то узнаютъ правильный языкъ во всѣхъ оттѣнкахъ его, и привыкаютъ свободно владѣть обиліемъ языка. Если угодно, пошлите одного изъ нашихъ учителей поучиться методѣ Золотова" (Письма Ф. къ Ант. IV, 61—62). А что и теперь нашъ простой русскій народъ, не чуждаясь нововведеній, насколько то нужно облегчающихъ дѣло

начальнаго обученія, въ тоже время считаетъ и желаетъ, чтобы и дѣти его также считали это обученіе за настоящій трудъ, облегченіе котораго понижало бы его значеніе, какъ труда, на то мы имѣемъ печатныя заявленія, идущія изъ среды самого же народа. Для сего см. раньше упомянутую книжицу: „Мысли простаго русскаго народа, изложенныя по поводу освященія и открытія церковно-приходской школы Моск. губ. при Тихвин. церкви въ г. Богородскѣ, „стр. 36, 43, 84, 93. На этой же точкѣ зрѣнія золотой средины стоятъ и возстановляемыя съ 1884 г. церковно-приходскія школы. По Высочайше утвержденнымъ правиламъ о нихъ, „школы сіи имѣютъ цѣлію“ не только „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской“, но и „сообщать первоначальныя полезныя знанія“ (§ 1), какъ и начальныя школы свѣтскія по Высочайше утвержденнымъ о нихъ положеніямъ 1828, 1864 и 1874 гг. О томъ же свидѣтельствуетъ опять и объемъ предметовъ преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ, указываемый §§ 5 и 7 правилъ о нихъ и вмѣстѣ съ методомъ подробно опредѣляемый изданными въ 1886 году отъ Св. Синода „Программами“ для этихъ школъ. „Въ церковно-приходской школѣ,—говорится напр. здѣсь въ объяснительной запискѣ къ программѣ церковно-славянской грамоты, желательно было бы начинать обученіе прямо съ церковно-славянской азбуки. Но въ виду затрудненій, какія можетъ вызвать употребленіе при этомъ старинаго способа, отличнаго отъ современныхъ, привычныхъ для большинства учителей, методовъ обученія чтенію, и извѣстнаго имъ только въ своемъ механизмѣ, съ другой стороны по многимъ неудобствамъ приложенія къ церковно-славянской грамотѣ общеупотребительнаго въ настоящее время звуковаго способа, предоставляется обучать церковно-славянской грамотѣ послѣ русской, и именно непосредственно послѣ того, какъ дѣти ознакомятся съ механизмомъ русскаго чтенія, т. е. въ концѣ первой или въ началѣ второй половины перваго года ученія“. (Прогр. ц.-пр. шк. стр. 35). За тѣмъ рекомендуются таблицы славянскихъ письменъ, и стѣнныя таблицы краткихъ употребительнѣйшихъ молитвъ (стр. 35. 36),—конечно также для облегченія труда

обученія. Нечего говорить, что еще болѣе широко новая церковно-приходская школа пользуется современными педагогическими и дидактическими усовершенствованіями относительно другихъ предметовъ преподаванія и другихъ сторонъ воспитанія въ нихъ, какъ видно изъ тѣхъ же „Программъ“ съ объяснительными къ нимъ записками. Но въ тоже время въ нихъ видна и та благоразумная осторожность, о которой мы говорили выше. Между прочимъ напр. относительно преподаванія той же церковно-славянской грамоты мы здѣсь читаемъ: „Лицамъ убѣжденнымъ и опытнымъ отнюдь не возбраняется начинать обученіе съ церковно-славянской азбуки въ древле уложенномъ порядкѣ и съ подлинными названіями буквъ. Такіе опыты даже желательны: они дадутъ цѣнный матеріалъ для болѣе вѣрнаго и положительнаго рѣшенія вопроса объ обученіи церковно-славянскому чтенію въ церковно-приходскихъ школахъ“ (стр. 36). Есть много данныхъ, говорящихъ въ пользу не только того, чтобы начинать обученіе грамотѣ съ церковно славянской именно азбуки, но и того, чтобы не отдавать преимуществъ новому звуковому способу обученія предъ стариннымъ буквослагательнымъ. Не имѣя въ намѣреніи подробно излагать здѣсь эти данныя, мы скажемъ только то, что они основываются не на однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, а и на опытѣ. См. изложеніе ихъ въ „Замѣткахъ о сельскихъ школахъ“ достопочтеннаго народнаго учителя *С. А. Рачинскаго*, стр. 54—56 (Спб. 1883);—въ газетѣ „Голосъ Москвы“ за 1885 г. № 56;—въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1887 г. № 12, стр. 930—935 отд. церковнаго и др. Особенно важны въ этомъ отношеніи данныя опыта С. А. Рачинскаго и школъ, устроенныхъ Я. П. Лабзинымъ въ Павловскомъ посадѣ и въ деревняхъ Игнатьевѣ и Ософоровѣ Богородскаго уѣзда Моск. губ. (Срав. указ. № „Голоса Москвы“ и „Мысли прост. р. нар. стр 89). Самыя крупныя преимущества предпочтенія церковно-славянской грамоты русской заключаются въ слѣдующемъ: во первыхъ, чрезъ это прочнѣе закладывается въ душѣ ребенка чисто-религіозная основа, такъ какъ на церковно-славянскомъ языкѣ нѣтъ чего либо свѣтскаго, но все только духовное, Божественное; а такая основа важна и для

всей послѣдующей жизни ребенка, по пословицѣ: „каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ“ и согласно старинному изреченію: quo prius est imbuta recens servabit odorem testa diu (Horat.). И только подъ этимъ условіемъ возможны тѣ подвиги на пользу Церкви, Царя и Отечества, которымъ дивились другіе и мы въ русскомъ человѣкѣ до послѣдняго времени.—Во вторыхъ, послѣ изученія церковно-славянской азбуки не потребуется вторичное обученіе русской гражданской азбукѣ, такъ какъ знаніе этой азбуки пріобрѣтается тутъ же, т. е. при обученіи церковно-славянской грамотѣ (см. для сего „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учится книгъ Божественнаго Писанія“); въ третьихъ, при совмѣстномъ обученіи чтенію и письму, письмо славянское (уставъ) гораздо болѣе совпадаетъ съ печатнымъ начертаніемъ буквъ, нежели письмо русское; въ четвертыхъ, по всему этому, самое обученіе грамотѣ будетъ прочнѣе, тѣмъ болѣе, что при семъ предполагаются практическія упражненія обучившихся грамотѣ въ чтеніи „Божественныхъ книгъ“ дома, Псалтири по покойникамъ и т. д. А между тѣмъ, наоборотъ, при обученіи сперва русской гражданской, а потомъ уже славянской грамотѣ оказываются, не говоря о другихъ, даже тѣ крупные недостатки, что выученные такъ читать, во первыхъ, скоро забываютъ грамоту, какъ то и доказываютъ многіе случаи при поступленіи ихъ въ военную службу, а во вторыхъ, они начинаютъ сперва невольно, а потомъ и по привычкѣ самую церковно-славянскую рѣчь произносить на манеръ русской гражданской, слѣдовательно уродовать ее. Кому пріятно было бы слышать не только (какъ то, къ сожалѣнію, иногда встрѣчается) священниковъ, произносящихъ возгласы напр. такъ: „Благ*а*слав*а*енъ Богъ нашъ“ и т. д. или: „Благ*а*слав*а*ено царство Отца и Сына“ и пр., но и мальчиковъ, читающихъ въ церкви или Псалтирь по покойникамъ въ домахъ съ подобнымъ же произношеніемъ? Но не говоря о томъ, что даже и старинный буквослагательный способъ имѣетъ за собою то неоцѣнимое преимущество, что не требуя, какъ показываютъ опыты С. А. Рачинскаго и школъ Я. И. Лабзина, продолжительности времени для обученія грамотѣ сравнительно съ звуковымъ, пріучаетъ дѣтей къ столь

полезному въ ихъ быту и послѣдующей жизни труду, терпѣнію, выносливости и т. п., этотъ способъ легко соединимъ и съ звуковымъ способомъ. Указанія на это мы видѣли уже въ Лихудовскомъ *Алфавитарѣ*. Примѣненіе такого сочетанія обоихъ способовъ на дѣлѣ къ тому же практиковалось съ успѣхомъ и до изобрѣтенія методы Золотова въ русскихъ церковно-приходскихъ школахъ. Все это показываетъ, какъ далеки послѣднія отъ такъ называемаго рутинерства, отъ невниманія къ дѣйствительнымъ улучшеніямъ въ области педагогики и дидактики,—но только именно къ дѣйствительнымъ, а не мнимымъ. Отъ того-то и простой народъ такъ тяготѣетъ къ нимъ, какъ къ чему-то родному, и на оборотъ сторонится нерѣдко отъ земскихъ и министерскихъ школъ, не смотря на всѣ ихъ облегченія въ способахъ обученія. Ибо „кому не случалось слышать отъ крестьянъ,—читаемъ въ отзывѣ цѣлой Игнатьевской волости (Богородскаго уѣзда Моск. губ.).—что дѣти ихъ вышедшія изъ земской школы, и въ особенности изъ двухклассной, вмѣсто того, чтобы помогать отцу въ его промыслѣ, стремятся къ болѣе легкому занятію (потому что по легкому способу обучались грамотѣ и не пріучились къ труду!), стараясь поступить куда либо въ контору или прикащики, въ писаря и т. д.“ (стр. 93 помянутой книги, написанной по поводу освященія и открытія ц.-прих. шк. въ г. Богородскѣ).

Наконецъ 3) новыя церковно-приходскія школы, какъ и древнія, твердо опираются на указанныхъ раньше основныхъ началахъ русской государственной жизни: православіи, самодержавіи и народности, ясно провозвѣщаютъ эти начала, заботливо проводятъ ихъ въ сознаніе учащихся и вѣрно охраняютъ ихъ. По изданнымъ въ 1884 году правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ, эти послѣднія „имѣютъ цѣлію“, какъ говорено было, прежде всего „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры“ и затѣмъ „нравственности христіанской“ (§ 1). А въ этомъ, согласно раньше сказанному о значеніи вѣры православной, уже заключаются для русскаго и самодержавіе и народность; ибо церковь наша, проповѣдуя православіе, вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ и освящаетъ также и самодержавіе и народность. И поэтому-то высшее церковное

правительство Россіи — св. Синодъ, издавая Высочайше утвержденныя правила о церковно-приходскихъ школахъ, въ своемъ по этому дѣлу опредѣленіи отъ 27 іюня — 12 іюля 1884 года за № 1407 разъясняетъ вышепоставленную цѣль сихъ школъ, поставляя при этомъ для духовенства православнаго задачею — „воспитывать въ дѣтяхъ страхъ Божій, преподавать имъ знаніе вѣры, вселять въ сердца ихъ любовь къ св. Церкви и преданность Царю и Отечеству". Въ согласіи съ тѣмъ находятся, конечно, и изданныя отъ св. Синода въ 1886 году „Программы учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ". И прежде всего въ нихъ между прочимъ читаемъ: „задача церковно-приходской школы значительно облегчается тѣмъ, что она имѣетъ прямое, ясное и твердое руководительство въ Церкви. Послушаніе матери-церкви—искреннее, въ простотѣ сердца, какъ это свойственно дѣтямъ—вотъ ея незыблемая опора и отличительный отъ всѣхъ иныхъ подобныхъ школъ характеръ" (стр. XIII). А такъ какъ въ основѣ всего материнскаго воспитанія Церковію своихъ чадъ лежитъ *Божественное писаніе*, въ которомъ положены твердыя опоры для дальнѣйшаго развитія и раскрытія означенныхъ началъ русской государственной жизни и которыхъ дальнѣйшимъ развитіемъ и раскрытіемъ, въ свою очередь, служатъ всѣ книги такъ называемыя *церковныя:* то по этому далѣе, въ тѣхъ же „Программахъ" напр., относительно преподаванія закона Божія и именно Священной Исторіи Ветхаго Завѣта читаемъ слѣдующее: „это — исторія дѣтства человѣческаго рода, въ особенности близкая сердцу дѣтей и для нихъ назидательная. Здѣсь они изъ живыхъ примѣровъ должны получить первыя понятія о главныхъ обязанностяхъ, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ (какъ должно почитать родителей и дорожить ихъ благословеніемъ, о братской и родственной любви, объ обязанностяхъ слугъ и господъ и т. п.). Въ тоже самое время дѣти увидятъ здѣсь начало и возникновеніе многихъ обычаевъ, учрежденій и обрядовъ, которые до сихъ поръ сохраняются въ семейномъ, общественномъ и церковномъ быту (семейныя могилы, закрытіе очей умершаго ближайшимъ родственникомъ, исканіе указаній свыше и добраго рода при выборѣ невѣсты, по-

крывало на головѣ ея и т. п.). Здѣсь открывается для наставника возможность ознакомить дѣтей съ нѣкоторыми, и при томъ наиболѣе важными, сторонами человѣческой жизни и дать взгляду ихъ на всѣ явленія ея направленіе религіозное. Дѣти увидятъ, какъ самъ Господь Богъ воздвигаетъ власть вождя народнаго и первосвященника (пророки Моисей и Ааронъ) и строго караетъ противниковъ этой власти (казнь Корея, Даѳана и Авирона), и какъ наконецъ передаетъ не иную, а свою собственную власть надъ народомъ — особенному своему избраннику царю (исторія избранія на царство Саула), какое внушается къ ней уваженіе, и какъ строго охраняется неприкосновенность помазанника Божія (отношеніе Давида къ Саулу). Въ жизни избранниковъ Божіихъ и вообще богоизбраннаго еврейскаго народа въ особенности ясно и наглядно представляются пути промысла Божія: за преступленіемъ большею частію сейчасъ же изрекается и неминуемо, рано или поздно, слѣдуетъ наказаніе; по молитвѣ подается прощеніе и помилованіе; пророки указываютъ эти пути Божественнаго промысла и впередъ предрекаютъ судьбы царствъ. Эта особенная очевидность путей Божія промысла въ событіяхъ Священной Исторіи воспитываетъ и утверждаетъ въ сердцахъ дѣтей живую и твердую вѣру, что всѣмъ въ мірѣ правитъ воля Всевышняго“ и т. д. (Стр. 16—17). Наконецъ, такъ какъ исторія нашего отечества „въ большей своей половинѣ имѣетъ характеръ церковный“ (стр. 20): то и относительно преподаванія этого предмета въ связи съ исторіею русской церкви въ церковно-приходской школѣ „Программы“ даютъ между прочимъ слѣдующія наставленія: „не вдаваясь въ излишнія подробности, слѣдуетъ такъ преподать главнѣйшія событія отечественной исторіи и жизнеописанія великихъ русскихъ монарховъ и ихъ славныхъ сподвижниковъ, чтобы учащіеся прониклись глубокимъ интересомъ и участіемъ къ этимъ событіямъ и сердечно полюбили всѣхъ потрудившихся на благо родины, жертвовавшихъ за нее своимъ покоемъ, трудомъ и жизнію. Изъ общаго хода исторіи Россіи учащіеся должны вынести твердое убѣжденіе, что наша родина всегда была сильна своею православною вѣрою и единодержавною царскою властію, что

когда оскудѣвала святая вѣра въ народѣ, или когда не было сильной единодержавной власти, русская земля подвергалась тяжелымъ бѣдствіямъ и была близка къ гибели и что слѣдовательно, только тотъ будетъ истинный сынъ Россіи, кто свято соблюдаетъ ученіе святой Церкви православной и вѣрно служитъ своему Государю, Помазаннику Божію“ (стр. 69—70). Не тому же ли, какъ можно было видѣть уже и изъ раньше изложеннаго, учила св. церковь русская и съ самыхъ древнихъ временъ? Не тоже ли ученіе издавна заключалось и доселѣ заключается въ ея учебникахъ, учебныхъ пособіяхъ и книгахъ для чтенія? Не говоря уже о допетровской старинѣ, воспитавшей Россію до той степени крѣпости и могущества, на какой она стала со временъ Петра, мы укажемъ для примѣра на учебники со временъ Петра. Вотъ напр. изданное въ первый разъ еще по повелѣнію Петра Великаго учебное руководство подъ заглавіемъ „Юности честное зерцало“, экземпляръ котораго, бывшій у насъ подъ руками, втораго изданія 1740 г. въ Спб. Между находящимися здѣсь „Нравоученіями отъ священнаго писанія по алфавиту избранными“ мы находимъ между прочимъ столь обычныя и издавна употребительныя: *бойся Бога и Царя, и ни единому же ихъ противися* (стр. 12); *іереи почитай, старшихъ благоговѣй* (стр. 14); *не оправдай себе предъ Богомъ, и паче Царя не умудрися* (стр. 15); *Царь премудръ, утвержденіе есть людемъ* (стр. 17); *Царю слава во многъ языцѣ: во оскудѣніи же людей, паденіе сильному* (тамъ же) и т. д. (См. напр. стр. 16, 34—35, 44 и др.). За тѣмъ въ „Начальномъ ученіи человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ Божественнаго писанія“ при изъясненіи того, „что повелѣваетъ Богъ въ пятой заповѣди“, въ сокращенномъ катихизисѣ дается такой отвѣтъ: „повелѣваетъ родителей своихъ, и подъ именемъ ихъ, во первыхъ Государя, яко помазанника Божія и отца народа: пастырей духовныхъ и правителей гражданскихъ: учителей, благодѣтелей и старшихъ почитать, и имъ повиноваться, да и всякаго человѣка любить какъ себя“ (стр. 56). Въ пространномъ катихизисѣ на все это, какъ извѣстно, приведены подтвержденія и изъ слова Божія. За тѣмъ въ числѣ „Изреченій изъ Св. Писанія“ въ „Начальномъ ученіи“ мы находимъ

между прочимъ слѣдующія: *начало премудрости страхъ Господень* (Псал. 110, 1: стр. 62); *Да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (I Тим. 3, 15: тамъ же); *Бога бойтеся, Царя чтите* (1 Петр. 2, 17: тамъ же); *Всею душею твоею благоговѣй Господеви, и іереи Его чти* (Сир. 7, 31: тамъ же); *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмъ же противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется* (Рим. 13, 1—2: тамъ же) и т. д. Въ „краткомъ правоученіи“: „Будь благочестивъ. Уповай на Бога, и люби Его всѣмъ сердцемъ.... Усерденъ будь ко святой церкви Божіей и всѣ ея установленія свято почитай и храни. Государя почитай, какъ отъ Бога установленную власть, и всѣмъ его законамъ повинуйся.... Люби не только друзей и благодѣтелей, но и самыхъ враговъ твоихъ, и молись за нихъ“ (стр. 67) и др. И такъ какъ еще изстари у насъ былъ обычай и даже внушеніе, повелѣніе—„катихизисъ прост[о], и со истолкованіемъ, съ нѣкоторыми псалмами, и притчи святаго писанія наизусть умѣть“ („Юности честное зерцало, стр. 35): то всѣ эти внушенія церкви въ формѣ изреченій Писанія и краткихъ правоученій усвоялись прочно и оставались руководительными правилами на всю остальную жизнь питомцевъ ея. Въ этомъ-то смыслѣ еще въ 1843 году великій святитель Московскій Филаретъ чрезъ консисторію внушалъ священникамъ и другимъ духовнаго вѣдомства лицамъ, назначаемымъ въ наставники сельскихъ школъ между прочимъ стараться о томъ, чтобы „цѣлію преподаванія поставить не то одно, чтобы передать нѣкоторыя понятія памяти учениковъ, но то, чтобы въ сердцахъ ихъ утвердить православныя понятія о Богѣ и Христѣ Спасителѣ, благочестіе, благоговѣніе къ Самодержцу, послушаніе начальству, благонравіе, дабы ученіе сдѣлать въ нихъ основаніемъ доброй и благополучной жизни“ (Душеп. чтен. 1872, I, 116). Въ этомъ же смыслѣ и издавна учили и дѣйствовали архипастыри и пастыри Русской церкви—истинные учители одной великой церковно-приходской школы—Церкви. Въ этомъ же смыслѣ призвана дѣйствовать, какъ мы сейчасъ видѣли, и новая

или лучше, возстановляемая церковно-приходская школа. И отъ того—то такъ сильно желаетъ утвержденія и распространенія церковно-приходскихъ школъ и изданныхъ для нихъ отъ св. Синода программъ нашъ простой народъ, еще не забывшій исконнаго типа ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокою скорбію видящій, какъ мало по малу удаляется отъ коренныхъ, родныхъ ему началъ русской государственной жизни въ самой средѣ его молодое поколѣніе, воспитанное и воспитываемое въ земскихъ, министерскихъ и другихъ свѣтскихъ начальныхъ школахъ, съ ихъ стремленіями, вмѣсто *единаго на потребу*, дать ученикамъ болѣе или менѣе обширныя понятія изъ области міровѣдѣнія, соціологіи, политической экономіи и т. д. [1]). Вотъ напр. нѣкоторыя слова адреса нынѣшнему первосвятителю сердца Россіи—Москвы, Высокопреосвященнѣйшему митрополиту Іоанникію отъ крестьянъ разныхъ мѣстностей Московской губерніи, а также живущихъ въ Москвѣ крестьянъ другихъ губерній съ 2000 подписей: „ты соорудилъ имъ (св. Кириллу и Меѳодію) нерукотворенный и нетлѣнный памятникъ, открывъ въ первопрестольной столицѣ Москвѣ во имя сихъ святыхъ братство для поддержанія прежнихъ и открытія новыхъ церковно-приходскихъ школъ, чрезъ которыя, уповаемъ мы, отцы наши духовные приведутъ къ памъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, съ ихъ живоносною, святою и Божественной силы исполненною грамотою церковно-славянскою. Въ этихъ школахъ наши дѣти выучатся читать *Часословъ* и *Псалтирь*, и всякая душеспасительная книга откроется имъ. Мы твердо уповаемъ и глубоко вѣруемъ, что чрезъ святую церковно-славянскую грамоту, и только чрезъ нее одну, обновится въ народѣ и укрѣпится упадающее теперь древнее святоотеческое благочестіе, которое, по слову св. Ап. Павла, *на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго* (1 Тим. 4, 8). „Подлинно въ благочестіи заключается самый вѣрный залогъ и земнаго благоденствія. Не можетъ это замѣнить, не можетъ такой силы имѣть никакая земная наука и ученіе,

[1]) См. Календарь для духовенства на 1883 годъ, изд. при Церк.-Общ. Вѣстникѣ, стр. 328;—на 1884 годъ, стр. 7; Отч. Об.-прок. св. Син. за 1884 г. стр. 105 и дал.; Моск. Вѣдом. за 1886 г. № 217 и мн. др.

которое Апостолъ называетъ *тѣлеснымъ* и котоорое безъ благочестія *вмалѣ полезно есть*. Мы видимъ это и сами на опытѣ. Вотъ съ ослабленіемъ въ народѣ церковной грамоты и ученія древняя набожность и страхъ Божій въ народѣ стали ослабѣвать; хотя ученіе тѣлесное и школы умножаются у насъ, а умноженія довольства и счастія не видно. Видимъ, напротивъ, умноженіе пороковъ и нищеты въ народѣ, тоскуемъ мы объ утратѣ древнихъ простыхъ и добрыхъ правовъ. Множество школъ не радуетъ насъ и не внушаетъ намъ утѣшительной надежды; мы живо чувствуемъ свою безпомощность. Одно средство—обратить нашихъ дѣтей къ церкви Божіей, ибо у насъ вся сила въ церкви. Мы своимъ крестьянскимъ умомъ понимаемъ, что всѣ основы семейнаго порядка и общественнаго благоустройства въ ней хранятся непоколебимо: еще такой непоколебимости нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ. Мы понимаемъ, что и доброе-то что есть въ наукѣ гражданской—не прочно и не твердо. Только въ союзѣ съ церковію святою всякое добро бываетъ полно силы и плодотворно. И такъ, мы одною надеждой питаемся, не приведутъ ли наши пастыри дѣтей нашихъ къ церкви Божіей. И знаемъ мы, что привести ихъ къ церкви и поставить ихъ подъ ея спасительное руководство только чрезъ церковную грамоту можно съ лучшимъ успѣхомъ. И научитъ она ихъ тому, чему гражданская наука мало учитъ, или и вовсе не учитъ,—знать Господа Бога и бояться Его, чтить церковь Божію и соблюдать ея уставы; научитъ благоговѣйно чтить Царя—Самодержца и по-Божески повиноваться ему, почитать родителей, покоряться начальству; узнаютъ они чрезъ эту грамоту о святомъ братолюбіи, о мирѣ и согласіи въ семействѣ, о боголюбезной нераздѣлимости семьи, по слову Божію: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Псал 132,1); о святости брака и брачной жизни, о высотѣ непорочнаго дѣвства, о трезвости и цѣломудріи, о трудолюбіи, о милосердіи и состраданіи къ бѣднымъ, о спасительномъ смиреніи, безъ котораго невозможно спастися, и о добродѣтельной жизни вообще. Какая грамота можетъ говорить обо всемъ этомъ такъ усладительно, съ такою силой дѣйствія, съ такою животворностію, какъ церковная? Какое намъ,

простымъ людямъ, будетъ утѣшеніе, когда мы услышимъ въ храмѣ Божіемъ нашихъ дѣтей читающихъ и поющихъ на клиросѣ, когда и дома у себя по праздникамъ будутъ они читать намъ отъ „Божественнаго“! Какое отъ этого одного будетъ охраненіе и утвержденіе добрыхъ порядковъ и добрыхъ правовъ въ народѣ! Какая же наука можетъ быть намъ дороже? Мы не гнушаемся и другихъ полезныхъ наукъ на русскомъ гражданскомъ языкѣ преподаваемыхъ, мы не говоримъ, чтобъ ихъ вовсе не преподавать; пѣть, пусть и оныя преподаются въ извѣстной мѣрѣ и въ необширномъ для крестьянскихъ дѣтей объемѣ, но непремѣнно такъ, чтобъ онѣ были на второмъ мѣстѣ, на первомъ же стояла бы самымъ дѣломъ, а не на бумагѣ только, святая церковная грамота, данная намъ святыми Кирилломъ и Меѳодіемъ и чтобы съ благоговѣйнымъ уваженіемъ относились къ ней всѣ и учители школы и кто надъ школою поставленъ, чтобъ и дѣтямъ нашимъ видимо было такое почитаніе святой грамоты. Много, очень много это значитъ! Вотъ тогда и земская школа пойдетъ добрымъ порядкомъ и плодъ будетъ приносить и будетъ всему народу пріятна и прелюбезна. А то у насъ какое ученіе во многихъ народныхъ училищахъ? Кого тамъ считаютъ народными наставниками? Святыхъ Кирилла и Меѳодія? Нѣтъ, барона Корфа и Ушинскаго! Главныя тамъ и самыя уважаемыя учебныя книги „Родное Слово“ и „Нашъ Другъ“, и имъ подобныя. А учатъ по нимъ нашихъ крестьянскихъ дѣтей читать и пѣть хороводныя, плясовыя и „демонскія“ пѣсни, удаляющія христіанъ отъ Бога и растлѣвающія нравственность современнаго намъ молодаго поколѣнія. Вотъ что намъ больно!„(стр. 81—84 указ. кн. „Мысли прост. рус. нар. по поводу освящ. и откр. церк.-прих. школы въ г. Богородскѣ“). Подобныя же мысли, только въ болѣе краткомъ изложеніи, еще раньше того (1886 г.), именно въ концѣ 1884 года выражены были крестьянами 11 губерній въ адресахъ Высокопреосвященнѣйшему Исидору, митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому и Оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву (см. тамъ же, стр., 77—80) и позже (въ началѣ сего 1887 года) Святѣйшему Синоду и Министру нар. просвѣ-

щенія И. Д. Делянову. Во всѣхъ этихъ адресахъ выражается неподдѣльная радость и живѣйшая благодарность народа по поводу возстановленія, „желанныхъ“ церковно-приходскихъ школъ, „о которыхъ,— говорятъ крестьяне,— „мы такъ понимаемъ, что въ нихъ главнымъ предметомъ будетъ преподаваніе священно-церковно-славянскаго чтенія, а въ этомъ чтеніи и его разумѣніи мы, простые люди, полагаемъ вѣрнѣйшій залогъ и земнаго благополучія и вѣчнаго спасенія, ибо вѣра Христова на этомъ языкѣ намъ проповѣдуется искони“ (стр. 81); или: „отъ которыхъ (т. е. церк.-пр. школъ) мы ждемъ и надѣемся, при помощи Божіей, дождаться благихъ плодовъ, возрожденія, развитія, распространенія, процвѣтанія и укрѣпленія у насъ столь вожделѣнной, столь любезной намъ священно-церковной славянской грамоты, этой песокрушимой основы истинно-русскаго духа и величія нашей дорогой Россіи“ (стр. 78; срав. также стр. 79 и „Соврем. Изв.“ 1887 № 145). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ адресахъ выражается желаніе, чтобы и свѣтскія начальныя школы получили характеръ церковно-приходской школы и чтобы въ нихъ приняты были въ руководство Синодскія „Программы для церковно-приходскихъ школъ“ (см. адресы Св. Синоду и министру нар. просв. И. Д. Делянову въ указ. № Соврем. Извѣстій). —

Итакъ намъ кажется, что все, доселѣ изложенное, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что 1) церковно-приходская школа новаго образца въ сущности не есть школа „новая“, какъ думаютъ иные, которая будто бы „стоитъ въ началѣ неизвѣданнаго пути, прикрываясь флагомъ высшихъ соображеній“, а есть по истинѣ древне-русская народная школа, нынѣ лишь возстановляемая и обновляемая;—2) какъ таковая, т. е. какъ въ сущности старая, древне-русская школа, она представляетъ въ себѣ полное и прочное ручательство за благоуспѣшность „дѣла начальнаго обученія“ и воспитанія, такъ какъ прошлое, возвратъ къ которому она, даже по словамъ иныхъ противниковъ нашихъ, собою представляетъ, далеко не „всѣмъ друзьямъ *истиннаго* народнаго просвѣщенія и искреннимъ недоброжелателямъ невѣжества и суевѣрія, въ которыя“ будто бы „погружены были массы русскаго простолюдина“ является „не въ розовомъ свѣтѣ“.

Напротивъ, это прошлое говоритъ прямо о томъ, какъ правильно, какъ благотворно шло воспитаніе народа въ древнерусской, истинно церковно-приходской школѣ и какъ правильно пошло бы оно и далѣе впередъ, если бы не оказалось нарушенія правильности этого хода благодаря ложному пути, на который хотѣли было ее насильственно поставить питомцы науки свѣтской, воспитываемые не на древне-русскихъ, а на западно-европейскихъ началахъ. А потому не справедлива и та мысль противниковъ нашихъ, что 3) и „это отдаленное прошлое и ближайшее настоящее не заставляютъ относиться съ особенными надеждами на прогрессивное развитіе образовательнаго уровня народныхъ массъ, при посредствѣ церковно-приходскихъ школъ“; ибо, во первыхъ, не вѣрно уже и то, какъ мы могли видѣть изъ вышесказаннаго, что будто бы церковно-приходская школа останавливаетъ всякое движеніе впередъ въ дѣлѣ образованія простаго народа, а во вторыхъ еще менѣе вѣрно то, въ чемъ, по мнѣнію иномыслящихъ, заключается „прогрессивное развитіе образовательнаго уровня народныхъ массъ“: изъ предшествующаго мы видѣли, насколько мнѣніе „прогрессистовъ“ западническаго направленія несогласно съ истинными потребностями народнаго образованія, выставляемыми самимъ народомъ. Начальная народная школа и особенно сельская не есть университетъ и не должна быть почитаема даже ступенію къ нему, какъ гимназія. И по этому-то 4) ложна мысль, будто къ представительницѣ этого направленія - школѣ свѣтской (земской, министерской и т. д.) и духовенство и народъ относились до сихъ поръ сочувственно. О сочувственномъ отношеніи къ ней духовенства можно было бы сказать развѣ только въ шутку и въ смыслѣ ироніи: находясь въ оскорбительно-подчиненномъ положеніи относительно не инспекторовъ лишь, земцевъ и т. п. лицъ, но и нерѣдко учителей, стоящихъ гораздо ниже его по образованію, часто терпя униженія отъ завѣдующихъ школами, отъ разныхъ кабатчиковъ, имѣвшихъ вѣсъ въ школьномъ дѣлѣ и т. п., оно могло только развѣ скрывать свое несочувствіе къ свѣтской школѣ, особенно въ виду того, что послѣдняя нерѣдко попирала взлелѣянную его трудами и любовію школу

церковно-приходскую. А какъ въ дѣйствительности относился и относится къ свѣтской школѣ народъ, это мы уже достаточно видѣли выше. Изъ вышесказаннаго же мы могли видѣть 5) и то, подлинно ли „громадны заслуги“ народной школы земской и министерской. Не отрицая дѣйствительныхъ заслугъ ея, насколько она привнесла и привноситъ съ собою къ разъясненію и обогащенію познаній свѣтскихъ, къ раскрытію и рѣшенію вопросовъ науки воспитанія и обученія съ примѣненіемъ всего этого къ дѣлу въ самой школѣ, мы вовсе не склонны считать этихъ заслугъ „громадными“, особенно въ виду того, какъ поспѣшно, неумѣренно и часто не вполнѣ обдуманно совершалось и это самое привнесеніе, не говоря уже о „неудачныхъ учителяхъ и уродливыхъ явленіяхъ“ въ ней. Наоборотъ 6) 900-лѣтнія заслуги церковно-приходской школы подлинно „громадны“, какъ мы замѣчали и раскрывали раньше. Не одно лишь приготовленіе къ духовному званію имѣла она въ виду, а воспитательно дѣйствовала на всѣ стороны жизни народа, направляя его духъ къ одному лишь доброму, пріучая его къ покорности, терпѣнію въ скорбяхъ и т. д., и закаляя его въ борьбѣ съ противниками православія, самодержавія и народности. А стало быть она 7) отнюдь не имѣла, какъ и не имѣетъ, „узко-клерикальнаго“, сословнаго характера. Какъ представители духовенства не представляли и не представляютъ собою строго замкнутаго сословія, такъ и церковно-приходская школа отнюдь не имѣетъ въ виду сословности. Какъ прежде, такъ и теперь она представляетъ собою училище для всѣхъ сословій безъ различія, даетъ мѣсто учителямъ также изъ всѣхъ сословій безъ различія, наблюдая лишь одно, чтобы для всѣхъ было все — церковь, какъ матерь наша, печущаяся не только о вѣчномъ нашемъ спасеніи, но и о временномъ благополучіи. Если же церковь есть для всѣхъ все, то тѣмъ болѣе она все для простаго народа. Высшіе и средніе классы народа еще находятъ себѣ духовную пищу помимо церкви: въ области науки, на зрѣлищахъ и т. под.; для низшаго же класса народа, для простолюдина „церковь — все: и вѣра и наука и искусство и, конечно, лучшее мѣсто для безмолвнаго исповѣданія радостей и скорбей жизни“ (Церк. Вѣсти. 1887 г. № 40).

А отсюда, наконецъ, 8) вытекаетъ, что если, чего можно, кажется, ожидать въ болѣе или менѣе не далекомъ будущемъ, состоится передача завѣдыванія дѣломъ начальнаго народнаго образованія исключительно духовному вѣдомству, то такая передача отнюдь не „будетъ крайне неблагопріятна для дѣла начальнаго обученія". И для начальнаго обученія она не будетъ не только „крайне", а и вообще не будетъ „неблагопріятна", и для начальнаго воспитанія; для этого послѣдняго, въ виду вышесказаннаго, она даже весьма желательна, болѣе того необходима, также какъ полезна и для начальнаго обученія. Ибо насколько въ отношеніи къ послѣднему она дала бы народной школѣ болѣе устойчивое, „не зависящее отъ *колеблющихся* мнѣній о предметахъ начальнаго обученія" устройство, на столько же еще болѣе того она способна была бы скрѣпить *поразшатанныя* основы воспитанія юныхъ поколѣній простаго народа,—опоры будущности Россіи. Средствами нравственными духовное вѣдомство, какъ прежде не было скудно, такъ и теперь, по милости Божіей, еще менѣе скудно для осуществленія великой цѣли, которую преслѣдуетъ правительство въ дѣлѣ возстановленія церковно-приходскихъ школъ. Объ этомъ не спорятъ и иные противники означенной передачи (см. „Кіевлянинъ" указан. №№). И уже во всякомъ случаѣ, согласно выше сказанному, „церковно-приходская школа защищена" гораздо „сильнѣе" отъ „неудачныхъ учителей и уродливыхъ явленій", нежели начальная школа свѣтская, что бы ни говорили о той и другой наши доктринеры. Затруднительнѣе къ разрѣшенію вопросъ о матеріальной сторонѣ въ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ. Въ этомъ отношеніи не желающіе означенной передачи запугиваютъ насъ тѣмъ, что въ средствахъ матеріальныхъ земства и общества могутъ де отказать духовному вѣдомству (или, лучше, правительству) въ случаѣ таковой передачи. Мы на это можемъ сказать только то, что такой отказъ послужитъ не къ чести какъ отказывающихъ, такъ и подающихъ мысль объ отказѣ, если только тѣ и другіе суть христіане не по одному имени. Ибо, какъ христіане, они должны знать слово Апостола о проповѣдникахъ вѣры и благочестія, о сѣятеляхъ духовнаго про-

свѣщенія, каковыми въ христіанской церкви по началу были сами Апостолы, а потомъ ихъ преемники — пастыри и учители церкви: *аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?* (1 Кор. 9, 11). Таково было изстари положеніе дѣлъ въ христіанской церкви вообще и въ русской въ частности. Не забудемъ, что и Высочайше утвержденными въ 1864 г., положеніями о земскихъ учрежденіяхъ (ст. 2. VII) земству напр., принадлежитъ лишь „участіе, преимущественно *въ хозяйственномъ* отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи“,—и не болѣе (см. 2 Полн. собр. зак. т. 39 № 40457 и № 40934). А если земскія собранія брали на себя гораздо болѣе, нежели одно хозяйственныя заботы, если напр., считали себя въ правѣ входить въ оцѣнку преподаванія даже закона Божія, смѣнять учителей-священниковъ и под., то это уже выходило за предѣлы законоположеній въ ихъ точномъ смыслѣ. – Но скажутъ намъ: а что же дворянство? Оно де при чемъ остается? Отвѣтимъ: не забыли мы ни Высочайшаго рескрипта на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 25 декабря 1873 г., ни послѣдовавшаго за нимъ законоположенія о начальныхъ народныхъ училищахъ отъ 25 мая 1874 г., благодаря которымъ дворянство, въ составъ котораго,—просимъ не забывать,—входили и входятъ нерѣдко и иностранцы, замѣнило собою духовенство во многихъ отношеніяхъ по дѣлу начальнаго народнаго образованія. Недоброжелатели духовенства толкуютъ эту перемѣну отношеній между прочимъ такъ: „не впервые поднимается обвиненіе народной школы въ перелигіозномъ и неблагонадежномъ направленіи. Мы чай всѣ помнимъ, какъ оно было не такъ давно еще формулировано и послужило—къ чему?—къ изъятію школъ изъ подъ вѣдѣнія архіереевъ, изъятію, которое сопровождалось оскорбительнымъ, громко брошеннымъ въ лицо всему высшему духовенству нареканіемъ, что оно де не умѣло уберечь школы отъ вредныхъ вліяній. Если никто изъ нашихъ архипастырей не отвѣчалъ на такой вызовъ, отъ котораго у многихъ мірянъ кипѣла кровь, такъ это объясняется лишь врожденнымъ русскому человѣку молчаніемъ передъ властью и тѣмъ

обстоятельствомъ, что во главѣ ихъ вѣдомства стояло тоже лице, подъ исключительный надзоръ котораго предполагалось передать эти школы;—человѣкъ, конечно не сочувствовавшій никакимъ антицерковнымъ вліяніямъ, не сочувствовавшій безвѣрію, нигилизму и соціализму. Архіереевъ оффиціально смѣнили однако не директора училищъ, какъ предполагалось по новому проекту, а губернскіе предводители дворянства; фактическій же надзоръ перешелъ въ руки дирекціи, съ правомъ удаленія учителей, закрытія школъ, указанія методовъ и выбора учебниковъ. „Прошло десять лѣтъ съ небольшимъ,—продолжаетъ нашъ толкователь, касаясь уже теперешняго положенія дѣла,—и духовное вѣдомство возстаетъ съ тѣмъ же обвиненіемъ противъ учебнаго, отъ котораго зависитъ педагогическая часть въ земскихъ школахъ. Только теперь не говорятъ, что вы де не умѣли уберечь и устранить, а прямо обвиняютъ во введеніи зла въ школу посредствомъ принятыхъ методовъ и руководствъ. Когда же мы покончимъ,—восклицаетъ онъ въ заключеніе своего толкованія,—съ взаимными нареканіями, да еще напрасными!“ (*Совр. Изв.* 1887 № 241 статья *Дашкова*). Подлинно пора покончить съ нареканіями, да еще напрасными... на духовенство, у котораго и безъ того много было отнято силы и значенія со временъ Петра и которое не имѣло и не имѣетъ обычая отвѣчать на всѣ оскорбительные для него „вызовы“ такъ, какъ привыкли отвѣчать на нихъ тѣ изъ мірянъ, у которыхъ отъ нихъ „кипитъ кровь“. Но да позволено будетъ сказать мнѣ, мірянину, что если, въ виду всего вышесказаннаго, напрасны помянутыя нареканія въ отношеніи къ духовенству, то не совсѣмъ напрасны они въ отношеніи къ тѣмъ, которые захотѣли себя самихъ поставить на мѣсто, искони принадлежавшее духовенству въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Не говоря о другихъ замѣстителяхъ духовенства, даже доблестное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дворянство русское, какъ законоположеніями 1873—1874 года, по истинному толкованію Монаршей мысли, въ нихъ заключающейся, призвано было лишь къ тому, чтобы „стать на стражѣ народной школы“ т. е. наблюдать со стороны, на ряду съ духовенствомъ же, за нравственнымъ направленіемъ народной школы, а не къ

учительству и руководительству въ ней, такъ и по существу дѣла, въ силу историческихъ условій самаго воспитанія своего, не могло выражать притязаніе на болѣе „внутреннее и дѣятельное“, нежели какъ только „охранительное и внѣшнее“, (куда относится, конечно, также и хозяйственная часть) участіе въ ней. Наилучшее же средство къ принятію и болѣе „внутренняго и дѣятельнаго“, да при томъ и по истинѣ плодотворнаго участія въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія и для дворянства, какъ для другихъ, кромѣ духовнаго, сословій, есть перевоспитаніе ихъ самихъ въ духѣ *церковности*, иначе сказать, въ духѣ *вѣры православной*. Наилучшимъ образомъ эта потребность, какъ необходимое условіе просвѣтительнаго вліянія на народъ, высказана въ Высочайшемъ рескриптѣ дворянству Россійскому, данномъ по случаю столѣтія жалованной грамоты 21 апр. 1885 года. Въ этомъ рескриптѣ нынѣ благополучно царствующій Самодержавный Монархъ Россійской имперіи, „для пользы государства“ признавая „за благо, чтобы Россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохраняли *первенствующее* мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, *въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія*“, къ сему добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова: „свидѣтельство неизмѣннаго Монаршаго благоволенія на порогѣ наступающаго столѣтія да послужитъ Россіянамъ, принадлежащимъ къ благородному сословію, новымъ возбужденіемъ къ вѣрному усердію въ служеніи своемъ на пользу государству! *Отцы и матери да потщатся воспитывать дѣтей своихъ*, будущій родъ Россійскаго Дворянства, *въ духѣ вѣры воспитавшей и утвердившей Россію*, въ правилахъ чести, въ простыхъ обычаяхъ жизни, въ неизмѣнной преданности Престолу и истинному благу Отечества“ (Моск. Вѣдом. 1885 № 110). Эти Монаршія слова вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и истиннымъ истолкованіемъ выше приведенныхъ Монаршихъ же словъ рескрипта отъ 25 декабря 1873 года относительно значенія дворянства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія. Исторія прошедшаго—лучшій учитель будущаго. А мы видѣли

выше, сколь великое благо для Россіи, во все почти тысячелѣтіе государственной жизни ея, заключалось въ неуклонномъ слѣдованіи путемъ *православной вѣры*, указываемомъ *церковію*, и наоборотъ сколь великое зло въ уклоненіи отъ сего пути. И если благородное Россійское дворянство, издавна существовавшее на Руси, какъ служилое сословіе, однако лишь въ 1885 году праздновало *столѣтіе* дарованной ему, какъ особому сословію, „жалованной грамоты“: то православная Церковь въ Россіи въ будущемъ 1888 году будетъ торжествовать *девятисотлѣтіе* крещенія Руси въ православную вѣру и господства послѣдней въ Россіи; а введеніе православной вѣры въ славянскія земли, а за тѣмъ въ различные концы земли Русской и просвѣщеніе ея чрезъ сродныя ей и сопредѣльныя съ нею племена дарованною служителями этой вѣры свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ святою церковно-славянскою грамотою при крещеніи въ сію вѣру отпраздновало уже и *тысячелѣтіе* свое. И возстановленіе призванныхъ „утверждать въ народѣ“ эту вѣру чрезъ духовенство церковно-приходскихъ школъ, равно какъ и столѣтіе жалованной грамоты дворянству, знаменательно совпало по времени съ этимъ празднованіемъ.—Будемъ же всѣ вмѣстѣ, безъ различія сословій, ради истиннаго блага всѣмъ намъ любезнаго Отечества, подъ руководствомъ матери-Церкви, и словомъ, а болѣе всего дѣломъ, ревностно стремиться къ исполненію завѣтовъ Державныхъ Вождей нашихъ и нашихъ архипастырей объ „охраненіи“ въ школѣ и вообще во всемъ „и на грядущіе вѣки православной вѣры, ограждавшей, просвѣтившей, собравшей, воспитавшей, утвердившей, возвеличившей и охраняющей Россію“. Подъ этимъ только условіемъ возможно будетъ истинное просвѣщеніе народное, равно какъ и плодотворно будетъ самое просвѣщеніе. И тогда-то лишь среди тьмы духовной „засіяетъ новая заря надъ“ нашею „школою“ народною, истинный образецъ которой есть школа церковно-приходская.

И. Корсунскій.

2007111404